алина знаменская

Дочки-матери

Алина Знаменская

Дочки-матери

Серия «Время мечтать. Романы о любви»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=124700
Дочки-матери: АСТ;
ISBN 978-5-17-110635-5

Аннотация

Дорога к счастью долгая и извилистая. Когда кажется, что ты наконец-то достиг цели, пора присесть и расслабиться, оказывается, что счастье от тебя еще дальше, чем когда ты был в начале пути. И надо встать, собрать все силы и идти, потому что остановка – крушение всех надежд.

Две подруги, Юлия и Наталья, шли к счастью разными путями. Они не подсчитывали число поражений и потерь. Может потому, что рядом шли мамины дочки. Нужно было строить свою жизнь с учетом их интересов. Возможно, их судьба будет более счастливой.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	39
Глава 4	56
Глава 5	69
Глава 6	85
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Алина Знаменская
Дочки-матери

© А. Знаменская, 2018
© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Глава 1

Полевой госпиталь, разбитый на краю поселка, был переполнен. Сквозь пластиковое окно брезентовой палатки Андрей видел белую шапку снега на вершине горы и острые пики пирамидальных тополей. Но даже эта спокойная непритязательная картина вызывала боль в душе. Там царил мрак, и в самой глубине этого мрака тяжелым грузом лежал камень. Раньше, в той жизни, ему не приходилось задумываться над выражением «камень с души снять», теперь он это понимал. Иногда, чаще после укола, его мысли забивались в угол и он не мог найти их, а отсутствие всяких мыслей не беспокоило его. Тогда Андрею снилось, что он плывет в лодке по реке. Он четко видел берега с плешинами леса и спокойный горизонт с одеялами облаков. Лодка плыла сама, не нужно было грести. Он просто лежал на дне и глядел вокруг. Иногда в этом сне он ощущал себя ребенком, думал о рыбалке, и радостные предчувствия охватывали его. Но такое случалось редко. Чаще его подбрасывала среди ночи какая-то сила, и он вспоминал: нога! Мысль была пронзительной и хлесткой, как удар наотмашь. Правая нога… Он отодвигал одеяло и с опаской, как чужую, осматривал эту неподвижную, бесчувственную конечность, пальцы, которые, как он ни силился, не могли произвести даже слабого движения, линии вен, обнимающие ступню…

Зачем он остался жить? Кому он нужен, калека в двадцать пять лет? Что его ждет?

В палате воняло ихтиолкой и кровью. Когда вошла врач в сопровождении своей свиты, Андрей отвернулся к стене и притворился спящим. Нечего. Одни и те же вопросы, одни и те же слова. Он все о себе понял. Сам во всем виноват. Никто не гнал его подписывать контракт на пять сверхсрочных лет. Он мог бы давно гулять на гражданке. Выходит – не мог. Когда узнал, что Ленка выходит замуж и уже беременна от своего будущего мужа – он понял, что не вернется. Обида и ревность так жахнули, что он стал бросаться под пули. Пули-дуры настигали совсем не тех, кого надо. Когда убило Саньку, Андрей просто ошалел от нелепости этой смерти. Санька был на пороге дембеля, дома его ждала молодая жена. Зачем? Какой смысл?

Какой смысл в том, что его, Андрея, пули обходили стороной как заговоренного, словно оставляя на потом для какой-то своей, корыстной цели. Смерть издевалась над ним.

И теперь вот она, старая карга, не захотела забрать его в свои объятия, а небрежно оттолкнула, оставив – молодого, рослого, здорового – с безжизненно-неподвижной ногой. К чему? Лучше бы он вместо Саньки… Андрей скрипнул зубами. Как раз в это время над ним раздался суховатый, как обычно, немного усталый голос Одинцовой.

– Спит? Придется будить. Его нужно приготовить к отправке.

Андрей резко повернул голову:

– Куда меня? Вы же говорили, что будете советоваться насчет меня! Что будете делать операцию! Что же, я так и останусь теперь?

Андрей приподнялся на локте, зло и одновременно просительно впился глазами в Одинцову.

«Что она здесь делает? – пронеслось в голове, когда он в тысячный раз вглядывался в усталое лицо не первой молодости. Строгие брови, грустные серые глаза. – Она-то зачем здесь?» Андрей не мог найти оправдания присутствию этой женщины в зоне боевых действий. «Наверное, военнообязанная», – нашел он более-менее подходящее объяснение и, потеряв к ней всякий интерес, уронил голову на подушку. Он знал, что она скажет. Он не верил врачам. Кто он такой? Пушечное мясо. Хотел войны? Получил.

– Вы полетите в госпиталь, Голубев, – неожиданно мягко заговорила Одинцова. – В хороший госпиталь в средней полосе России. Здесь нет условий для той операции, которая вам необходима. А там есть. Вы полетите вместе с другими ранеными. Сначала в Ханкалу, затем – в Самару.

– Можно подумать, там меня сразу поставят на ноги! Что Андрей не умел контролировать, так это дыхание. Грудь сама собой стала тяжело вздыматься, выдавая его состояние.

– Это не исключено, – уклончиво ответила Одинцова.

– Я хочу остаться здесь! – снова с проснувшимся жаром заговорил Андрей. – Я могу быть полезным здесь. В своей

роте. Я не хочу домой. Понимаете? У меня нет дома. Меня никто не ждет.

Одинцова переглянулась с людьми из свиты. Что-то мелькнуло в ее глазах, за выражением которых Андрей жадно следил.

– Как это – никого нет? – строго переспросила Одинцова, хмуря брови. Он был не первый в ее практике – молодой парень, не желающий жить. Она рассердилась. – А ваши родители?

– Отец умер от инфаркта, а мать… Матери я вообще не помню.

Одинцова пожала плечами.

– Не знаю, не знаю. Тем не менее вас кто-то разыскивает. Вчера я разговаривала с вашим командиром. Пришел запрос из Софрина. Вы ведь из Софринской бригады?

Андрей растерянно кивнул. Какие такие родственники? Кто может искать его после семи лет службы? Это какая-то ошибка. Если и были у него какие-то родственники, то видел он их последний раз на похоронах отца, пять лет назад. Ему тогда дали короткий отпуск, и он летал на похороны. После этого Андрей не выезжал за пределы Чечни. Он сжился с войной, пропитался ею. Знал, что здесь, в своей роте, он нужен. Необходим. А там он всеми забыт. Если у него и остались какие-то родственники, то они не в курсе – жив он или нет.

– Это какая-то ошибка, – уверенно буркнул Андрей. – Я

не знаю никаких родственников. И не собираюсь ни для кого становиться обузой. А если мое руководство старается, ищет мне опекунов, то напрасно!

Андрей вдруг понял, куда клонит докторша. Они подсуетились. Его же нужно куда-то девать, а девать некуда, следовательно, нужно подыскать каких-нибудь родственников, седьмую воду на киселе, которые согласятся взять его к себе из жалости.

– Я не просил вас об этом. – Андрей почувствовал, что багровеет и начинает тяжело дышать. – Я не хочу возвращаться!

Он снова приподнялся и просверлил взглядом непроницаемое лицо Одинцовой. Она словно заслонилась от него прозрачной стеной, закрылась наглухо. Это обстоятельство вывело Андрея из себя.

Он пробьется сквозь этот панцирь! Он скажет все, что думает о них, этих дамочках, играющих в мужские игры.

– Здесь мой дом! – яростно заговорил Андрей, чувствуя, как дрожат мускулы рук. – Я хочу, чтобы моя могила была здесь, среди друзей! Там меня все забыли и предали. Сначала – мать, потом – любимая девушка. Я умру здесь! И точка! Я не полечу ни в какой госпиталь. Мне не надо никакой родни сердобольной!

Андрей не замечал повернутых к нему лиц, не видел ходячих раненых, столпившихся в проходе. Он видел только бледное непроницаемое лицо докторши, ее сузившиеся гла-

за, темные точки зрачков. Если бы она не перебила его, заговорив негромко, но жестко, он наговорил бы ей гадостей.

– Прекратите истерику, Голубев, – четко произнесла она, еще больше бледнея. Морщинки вокруг глаз натянулись как провода. – Ведете себя как мальчишка!

Ее скулы начали розоветь от волнения. Она наклонилась над ним и произнесла, глядя прямо в его лицо:

– Ты успел понять в свои двадцать пять, чего стоит жизнь? День, минута, миг? Какое ты имеешь право рассуждать о смерти, если остался на земле хоть один человек, который думает о тебе? Салага!

Солдатское словечко из уст этой женщины особенно обожгло Андрея. Он отвернулся резко и накрыл голову подушкой. Но докторша и не собиралась ничего больше говорить. Она уже торопливо шла к выходу. Свита двинулась следом.

Андрей не видел, как они уходили, но сквозь одеяло чувствовал их осуждающие взгляды.

Он вытащил голову, только когда понял, что врачи далеко. Но, выбравшись из своего укрытия, он сразу наткнулся взглядом на соседа, тоже сверхсрочника. Тот, видимо, только и ждал, когда Андрей выберется из своего укрытия.

– Она здесь мужа похоронила, – кивнул сосед в сторону выхода. Андрей понял, что речь о докторше. – Так что ты не думай, она не со зла.

– Да пошли они все! – Андрей стукнул кулаком по металлической перекладине. – Я никого не просил разыскивать

мне каких-то дальних родственников! Сам проживу.

– Насколько я понял, это родственники тебя разыскивают по собственной инициативе.

– Как же, – горько усмехнулся Андрей, – жди.

Больше он в этот день не сказал ни слова.

Кто-то сильно тряхнул ее за плечо, и от неожиданности она вздрогнула всем телом. В привычной бледно-молочной синеве, сочащейся сквозь окно, Наташа разглядела выступ будильника на тумбочке, блики на полированном шифоньере, красную рыбину, неторопливо плывущую в аквариуме. Никого нет. Да и быть не может!

Она сама неделю назад проводила мужа с дочкой к свекрови в деревню и вернулась оттуда только вечером. Домой они приедут теперь в следующий понедельник. На работе Наташа не успела побывать, а потому никакими проблемами не озадачилась. Так что же? Что?!

Между тем тревога уже обступила ее со всех сторон и буквально не давала дышать. Наташа дотянулась рукой до ночника, нажала кнопку. Свет неприятно резанул по глазам. Половина второго ночи. Что ее могло разбудить? В том, что толчок был неспроста, Наташа даже и не сомневалась. За свои тридцать девять (Боже! почти сорок!) она научилась распознавать в себе эти приступы интуиции. И прислушиваться к ним. Они наплывали независимо от времени года и часа суток, предупреждая ее о важном.

Теперь необходимо сосредоточиться и вспомнить. Что,

собственно, ее могло так встревожить?

Свекровь? Конечно, свекрови живется несладко с дедом. Тот, мало того что пьет, теперь еще и озоровать начал. Она и жить-то с ним в одной избе не может – разбежались: он в доме, она на летней кухне. Но разве Наташу свекровкиными проблемами удивишь? У нее самой ненамного лучше. Рожнов весь в отца и к старости, если доживет, станет еще хлеще папаши.

Нет, тут другое. Лерка?

Наташа выбралась из-под одеяла, сняла со стула свой велюровый халат. Ногой задела Леркину школьную сумку, откуда вывалились тушь и коробочка с тенями.

Ну вот! А Наташа этих теней обыскалась! Всю квартиру перерыла в прошлую субботу, когда собиралась на концерт. Наташа собрала с пола косметику и сунула в ящик тумбочки. Лерке пятнадцать. И она потихоньку «двигает» мать, отвоевывает территорию. Колготки отнимает, косметику. До одежды, правда, дело пока не доходит. Наташа полновата, хотя фигурой своей в общем-то довольна, худоба ей совсем не идет. А Лерка в отца – длинноногая, худая. Личико вытянутое, яичком, и нижняя губа такая же пухлая, как у Рожнова. У Наташи в возрасте Лерки была совсем другая фигура. Та же худоба, только все как-то непропорционально – руки уж слишком тонкие, а бедра широкие. Не пойми не разбери. Вот когда Лерку родила – округлилась, выровнялась. Расцвела. Тогда как-то сразу мужики стали засматриваться.

Тогда и сама на себя по-другому стала смотреть. Жесткие волосы цвета соломы, которые с детства совершенно неподконтрольно вились, а в короткой стрижке отчаянно топорщились, удалось только к окончанию института обустроить во что-то более-менее стильное. Теперь они придавали Наташиной располневшей фигуре необходимую завершенность, лежали волнами до лопаток, густой шапкой обрамляли голову. Роскошная соломенная грива делала ее заметной, где бы она ни появлялась.

А Лерка и волосы умудрилась перенять рожновские. И даже не Сергея, а свекровкины – беленькие, легкие и жиденькие.

После мытья и сушки феном Лерка напоминает одуванчик на длинной ножке. Нет! С Леркой ничего не могло случиться, тем более в деревне. Там она «как у Христа за пазухой» – припомнилось свекровкино выражение. Они хоть и просиживают на лавочке до утра всей компанией, но там все на виду, хулиганов наперечет знают, молодежь тоже вся своя, выросли на глазах.

Лерка любит деревню. Все каникулы там, еще ни одних не пропустила. И на выходные – тоже туда. У нее и друзья-подруги все в деревне. Тоже городские, съезжающиеся к бабкам-дедкам на каникулы.

А тут, в городе, подружка только одна, Аня. Но уж зато дружат так, что дня не могут друг без друга. На две недели разъехались, а уже письма пишут…

И тут Наталью как прострелило. Голове под шапкой волос стало сначала резко горячо, а затем так же холодно.

Письмо! Вот что ее разбудило среди ночи и стучало в груди, не давая успокоиться! Лерка, провожая мать на автобус, сунула ей письмо для Ани и велела опустить в почтовый ящик в городе, чтобы побыстрее дошло. Аня гостила у дяди в Тольятти, и Лерка писала туда потому, что до учебного года оставалось две недели – дожидаться, видимо, встречи было невмоготу. Письмо Наташа отправить не успела, поскольку электричка опоздала на час, и домой она попала только в сумерках. Протопала мимо почты, не бросился ей в глаза почтовый ящик, и она про письмо не вспомнила. И вот теперь белый конверт лежит на письменном столе, издевательски взирая на Наташу круглыми Леркиными буквами. Что такое она сообщала своей подружке важного на нескольких страницах, среди довольно однообразной жизни в деревне? Какие события торопилась описывать?

Лерка – росомаха. Нет в ней собранности, аккуратности и даже элементарной сосредоточенности. А тут толстенное письмо накатала. И не засунула его между книжных страниц, как обычно, забыв отправить, а вручила матери, зная, что та пойдет мимо почты, и…

Наташа взяла в руки письмо, и оно показалось ей прохладным и тяжелым. Она повернула его к себе заклеенной стороной, попыталась отогнуть край. Лерка и тут постаралась. Заклеила на совесть, что вообще не было похоже на

нее. Тщательность, с которой было запечатано письмо, только подлила масла в огонь. Теперь Наташа встревожилась не на шутку. Все связанное с Леркой последние два года было щедро усеяно колючками, на которые Наташа то и дело натыкалась. У кого имеются дети Леркиного возраста, не станут упрекать Наташу в том, что ее так и подмывало прочесть дочкино письмо. С любопытством тут нет ничего общего. Мы часто ограничиваемся пятнадцатиминутным общением с детьми между ужином и просмотром очередной серии. Нам в тягость проверка уроков. А уж о родительских собраниях в школе и говорить нечего – острый нож. Но однажды к вашей нескладухе, с трудом вылезшей из очередной ангины, начинает захаживать мальчик из выпускного класса и дарит ей на 8 Марта французские духи.

Вначале бывает легкий шок. Его сменяет досада на то, что все это случилось как-то слишком скоро, не вовремя, потом охватывает смутная тревога, которая прочно обосновывается внутри и уже не отпускает. У Наташи так и было. Собственно, Леркин кавалер ей даже нравился. Не чета ее деревенской зазнобе – хулигану и выскочке Рябову. Наташа навела справки о Леркином мальчике и выяснила, что мальчик продвинутый, учится в математической школе, мама и папа работают в налоговой инспекции. Наташа даже немного комплексовала, дура, перед мальчишкой за свою квартиру, не облагороженную евроремонтом, за безработного Рожнова, протирающего штаны на диване и вечно пьяного. Лер-

кин мальчик ее напрягал. Но когда Наташа наткнулась на ту записку, то чувства приняли другой оборот. Обрывки пресловутой записки предназначались для мусорного ведра, но задержались в ящике стола, и когда Наташа уже собиралась смахнуть их в совок, ей в глаза бросилось словосочетание «половым путем». Это совершенно недетское газетное выражение было выведено детским Леркиным почерком. Наташа услышала, как за ребрами застучало мелко-мелко, и выгребла обрывки записки на газету. Через полчаса она сложила из них Леркино послание подруге, в котором оказалось предостаточное количество подобных слов. Лерке тогда было всего четырнадцать, и ее дружба с математиком Максимом, с одной стороны, волновала Наташу, но с другой, даже устраивала, поскольку в деревне имелся некий Юра, в которого Лерка была влюблена с шестого класса и который вызывал у Наташи чувство стойкой неприязни. Страшный как атомная война, он производил впечатление невоспитанного балбеса. Наташа рада была, что Максим наконец заслонил собой Юру. Но долго радоваться ей не пришлось. Из записки она поняла, что Максим, посоветовавшись со своим другом Лешей, предлагает им с Аней вместе встретить Новый год. Вчетвером. И встречу Нового года отметить расставанием с девственностью.

Пока Наташа дочитала составленную из кусочков записку, она потеряла год жизни. Не меньше. У нее перед глазами пронеслась вся Леркина жизнь – от первого кормления

в роддоме, через детский сад и до самого четырнадцатилетия. В записке Лерка очень здраво рассуждала о болезнях, передающихся половым путем, а также о возможной беременности. Наташа вспомнила, как сама рассказывала дочери обо всем этом, и теперь Лерка пыталась убедить подругу не соглашаться на предложение мальчиков. Но весь тон записки, серьезность, с которой рассматривалась проблема, свидетельствовали о том, что Лерка колеблется. В предложении так необычно встретить Новый год сквозило что-то вроде заговора, тайны, что всегда так привлекает романтических дурочек. После этой записки Наташа не знала покоя. Даже когда Лерка побожилась ей в том, что не согласилась на это предложение. Даже после того, как рассталась с умным предприимчивым Максимом. Кстати, Юра в деревне только этого и дожидался! И если положительный Максим предлагал Наташиному одуванчику безоглядно вступить с ним в заманчивые взрослые отношения, то чего ожидать от хулигана Юры?

Все лето с набольшими перерывами Лерка провела в деревне. Туда же ежегодно на все каникулы отправляют и Юру. Подальше от соблазнов большого города. Какие мысли могут занимать летом голову семнадцатилетнего балбеса – догадаться нетрудно. Наташа с письмом метнулась на кухню. Смутно припоминая уроки истории из детства, повествующие о конспиративных манипуляциях революционеров, Наташа поставила на газ кастрюлю с водой и, едва сдерживая

дрожь, стала ждать, когда закипит. Из состояния полутранса ее выдернул телефонный звонок. Она метнулась в спальню. Звонить в два часа ночи мог только один человек. Когда Наташа услышала его мягкий приглушенный голос, почувствовала привычное покалывание в области уха, откуда тепло ринулось по шее, к груди, а оттуда – в низ живота: Женя!

– Разбудил? – рокотал его нечеткий голос, продираясь сквозь две сотни километров.

– Нет, я не спала. Ты где?

– В подъезде, на лестничной клетке. Я тебя люблю. Наташа ярко представила Женю, сидящего ночью на ступеньках подъезда с прижатой к щеке пластинкой мобильника.

– Поругались?

– Нужно что-то решать. Мы должны встретиться. Наташа молчала. Этот разговор был бесконечен и всегда начинался ровно с середины. А реплики варьировались в зависимости от Жениного душевного состояния. И того отклика, который они в ней вызывали.

– Нужно что-то решать. Прикажи мне все бросить и приехать за тобой. Ты бы решилась все начать с нуля? Уехать ко мне?

В зависимости от собственного настроения Наташа могла ответить что угодно. Да. Нет. Это не меняло дела.

– Если я сейчас приеду за тобой, ты готова все бросить?

– Готова, – наугад ответила Наташа, без труда улавливая запах его кожи с легкой нотой почти выветрившегося одеко-

лона и вкусным шлейфом дыма «Явы».

– Нет, правда? Уволишься с работы?

– Уволюсь. Где мы станем жить?

– У меня на даче. Я все приведу в порядок, я…

– А твоя жена?

– Что ты сразу хватаешься за жену? Ты нарочно начинаешь эту тему. Я ведь не спрашиваю, что станет делать твой муж без тебя.

– Я и так знаю. Он очень быстро сопьется и превратит нашу квартиру в бомжатник. Здесь будут ночевать его коляны, тыквы и петровичи. Они превратят в дрова кухонный гарнитур, за который я расплачивалась три года.

– Какая проза! Как ты можешь думать о каком-то там гарнитуре в два часа ночи?

Наташа вспомнила, отчего проснулась. Она только на минуту забыла, а теперь снова вспомнила. Белый конверт смотрел на нее с вызовом.

– Кстати, о прозе. Как прошел твой творческий вечер?

– Плохо. Телевидение не приехало, – ворчливо сообщил Женя. – Родственники, которые обещали помочь с продажей книг, подвели, пришлось все делать самому. Все прошло комом.

– А жена?

– Она говорит: не понимаю, зачем тебе все это нужно. Вполне можно обойтись и без песен, и без басен. И уж конечно, без этих, как она выражается, показательных выступ-

лений.

– Из-за этого вы поругались.

– Нам давно уже не нужен повод, чтобы поругаться, ты же это знаешь. Мы перестали понимать друг друга. Ты не ответила мне на вопрос.

– Бородин, ты прекрасно знаешь, что я не поеду в вашу деревню.

– Какая деревня? Ты сама говорила, что у нас очень милый поселок городского типа, что здесь обалденная природа. Чем тебе не нравится наш санаторий?

– Отдыхать – нравится. Не нравится ходить в один магазин с твоей женой, постоянно встречаться с ней на улицах, чувствовать на себе косые взгляды всех (всех!) в поселке, поскольку вы все там друг у друга на ладони. Приезжай лучше ты. У нас – город.

– Ташка… Ты же знаешь, солнце мое, я не могу бросить свою работу. Где еще я найду такое место сейчас?

– Я все знаю, Бородин. Тебе сорок восемь лет, ты главный врач санатория, тебя там носят на руках… Я ничего от тебя не требую. Ты сам завел этот разговор.

– Да, но… Ты любишь меня?

– Очень.

– Мы встретимся? Приезжай завтра. Я все устрою. У нас сейчас мало народу. Сезон кончается.

– Завтра не могу, – призналась Наташа, не отрывая глаз от письма.

– Что-то случилось?

– Пока не знаю, – честно ответила она.

В трубке послышался какой-то шум, скорее всего – хлопнула входная дверь подъезда, где сидел Бородин.

– Я позвоню тебе завтра, – торопливым полушепотом пообещал он. – Ты будешь дома?

– Не знаю, – эхом отозвалась Наташа.

Она вновь осталась один на один с белым четырехугольником письма. Из кастрюли на кухне валил пар. Наташа стала держать конверт над паром, обжигая пальцы. Бумага разбухла, стала влажной. Когда Наташе удалось открыть конверт, руки ее дрожали, а сердце металось между горлом и животом.

Круглые Леркины буквы бросились врассыпную, затем слиплись в слова, а те, в свою очередь, горохом покатились перед глазами.

«Почему это бывает так больно?» – наконец сложилось в единую строчку. Наташа попыталась взять себя в руки и прочитала первые пять строк. Дойдя до строчки про «больно», вернулась к началу. Что-то внутри, натянутое до предела, со звоном лопнуло, и теперь в голове стоял монотонный звон.

«Первый раз у нас ничего не получилось, я убежала, – сообщала Лерка. – Но Юрка уговорил меня попробовать еще…»

Наташа почувствовала, что у нее пересохло во рту. Так, что стянуло губы. Она схватила чайник и хлебнула из носи-

ка. Даже кипяченая вода отдавала хлоркой.

«Но второй раз было еще хуже! Эта ужасная боль, я думала – умру от боли! А кровь! Сколько было крови! У меня вся одежда была в крови!» Наташа поняла, что стучит зубами. Хотелось кричать, пробить стенку кулаком, завыть от обиды и непоправимости того, что случилось. Лерка, одуванчик, что ты натворила? Разве она, мать, не говорила ей? Разве не предупреждала, что секс раньше времени – как недозрелый плод, жесткий и горький… Господи, что делать-то теперь?

«Аня, скажи, почему все восторгаются этим? Почему все этого хотят?» – спрашивала Лерка подругу, и Наташа проклинала расстояние, что разъединяет сейчас ее с дочерью.

Сначала она злилась на Лерку. Окажись дочь сейчас, сию минуту здесь, рядом, Наташа скорее всего отхлестала бы паршивку по щекам, накричала бы и затопала ногами. Давно ли Лерка, глядя матери в глаза, говорила, казалось, искренне, что да, она все понимает и ничего такого себе не позволит раньше времени. Потому что да, аборты, болезни и врач-гинеколог. И незрелый организм.

Да, она не дура и зла себе не желает.

И вот на тебе! На улице после дискотеки, в каких-то кустах, среди мусора!

Наташа металась по квартире, не в состоянии сидеть на одном месте. Теперь она злилась на Юру. Сопляк! Какое он вообще имел право воспользоваться Леркиной симпатией, склонить девчонку к сексу, в котором сам ничего не понима-

ет?! Идиот! Фильмы, что ли, не смотрит, журналы не читает? Неужели трудно было организовать вокруг этого элементарную романтическую атмосферу? Придать всему более-менее цивилизованный вид, если уж приспичило? Дегенерат! И она это чувствовала! Она сразу невзлюбила этого Юру, у него на морде все написано! Ее Лерку! Которая из ангин не вылезает, у которой и месячные толком не установились, скачут, как им заблагорассудится!

«Теперь я его избегаю, – делилась Лерка переживаниями. – Представить себе не могу, что это может повториться! Вчера он подсылал пацанов, чтобы позвали меня на улицу. Я не пошла. Проревела весь вечер. Ведь я так люблю его…»

«Какое там «люблю»! – негодовала Наташа. – Держись от него подальше, дочка! Ничего хорошего от него ждать не придется. Недомерок!»

Наташина голова кипела. Было три часа ночи, а она, одна в своей двухкомнатной квартире, металась как тигрица, у которой отняли детеныша. И за что ей такое наказание? Первая электричка в шесть утра! Ночь покажется бесконечной. Такое ощущение, что ты ходишь по раскаленным углям, потому что наступить больше некуда.

Она представила, как примчится утром в деревню и скажет… что? Они вчера только распрощались. Свекровь полезет с расспросами. Рожнов тоже что-нибудь заподозрит. Что же делать? До пяти утра Наташа плавилась на медленном огне, а в пять обратила внимание, что все еще сжимает в руке

злополучное письмо. Прямо под пальцами оказались строчки, на которые она сразу и внимания-то не обратила. После прощальных слов и приветов стояло: «Аня, купи и вышли мне, пожалуйста, тест на беременность».

Наташа схватила с крючка плащ, сумку и стала метаться по квартире, не в состоянии найти туфли. Когда нашла и уже открывала дверь, в спальне зазвонил телефон. Кто может звонить в пять часов утра? Наташа вернулась в спальню и взяла трубку.

– Наташа? Это Юля Скачкова. Помнишь такую? Я прошу тебя: срочно возьми такси и приезжай ко мне. Мне плохо.

Глава 2

Юля выслушала заявление нотариуса и ничего не поняла. Она даже вопроса никакого не задала. Тот сам догадался, что клиентка не въехала, и во второй раз четко и ясно повторил информацию. В глазах у него мелькнула смесь сочувствия и интереса. Что она теперь станет делать, в такой тупиковой ситуации?

Юля молча щелкнула замком сумочки и сухо распрощалась с нотариусом. Оказавшись на улице, она с недоверием осмотрелась. Пейзаж вокруг будто подменили. На небе громоздились сизые тучи, тщательно пряча солнце. Но оно пробивалось сквозь их плотный дым и высвечивало ближайшую пятиэтажку ядовито-синим.

«Как он мог? – с раздражением подумала Юля. – Неужели нельзя было посоветоваться со мной?»

Конечно. Для Никиты всегда самое главное было – продемонстрировать свою независимость и самостоятельность. Продемонстрировал!

Впервые за три месяца Юля подумала так о муже. Одернула себя: о мертвых плохо не говорят. Нужно теперь думать, что делать. Необходимо с кем-нибудь посоветоваться.

Шагая через сквер, Юля перебирала в уме всех своих знакомых. Подруги отпадают. Ни Светка, ни Жанна не разбираются в подобных вещах, находясь за мужьями как за стена-

ми. Как, впрочем, и она до недавнего времени. Юридическая консультация? Там скорее всего скажут то же, что и у нотариуса: она не имеет на собственную квартиру никаких прав.

Нет, здесь нужен человек, который знал лично Никиту, знал их семью. Кто знал хорошо и помог бы разобраться, вложив в это дело, что называется, душу.

Перебрав в уме всех знакомых и сослуживцев мужа, Юля остановилась на Солодовникове. Именно он оказался рядом, когда случилось несчастье с Никитой, и он же, поскольку Юля находилась в полной прострации, организовал похороны и поминки, встречая и провожая Никитиных родственников. Кажется, он говорил что-то вроде: если понадобится, обращайся.

Юля нашарила в сумочке записную книжку и набрала на мобильнике номер Игоря. Он подъехал довольно быстро. Юля успела только выкурить сигарету и подойти к трамвайной остановке. Черный «мерс» Игоря бесшумно подкатил к самым ее ногам.

– Классно выглядишь, – похвалил Игорь, когда Юля нырнула в комфортабельное нутро машины, пропахшее дорогим мужским парфюмом. Ей сразу стало душно. Она опустила стекло и ответила:

– Ты тоже.

Игорь, видимо, почувствовал ее настроение и попытался пристроиться к ней психологически.

– Что-то случилось?

Он вел машину вслед за трамваем, ожидая от нее указаний.

– Ничего, – усмехнулась Юля. – Кроме того, что три месяца назад разбился Никита. А вместе с ним – вся моя жизнь.

Юля полезла в сумочку за сигаретой, лаковая кожа сумки выскользнула из рук, упала, что-то посыпалось Юле под ноги.

– Сейчас остановимся где-нибудь и поговорим, – пообещал Игорь. Нажал кнопку бара, и перед Юлей оказались сразу пять видов сигарет. Она выхватила наугад, закурила.

На набережной в этот час было мало народу. Они сели за пластиковый столик в тени подстриженного тополя. Игорь взял бутылку пива и сок.

– Значит, тебе теперь негде жить? – уточнил Игорь, облизывая с губ пену.

Юля кивнула.

От того, что она рассказала Солодовникову о своей проблеме, на душе не становилось легче. Более того, ее не устраивало что-то: то ли его покровительственный тон, то ли равнодушие и небрежность официанта, который даже не удосужился протереть ее стакан, то ли что-то еще.

– Понимаешь, он словом не обмолвился, что записал эту квартиру на свою мать. Я как дура пришла вступать в наследство.

– А там – облом, – закончил за нее Игорь, наливая себе из бутылки новую порцию и кивая в такт ее словам. Он вел

себя так, будто подобное происходит сплошь и рядом. – А со свекровью нельзя договориться? – предложил Игорь, хрустя чипсами. – В конце концов, Никита купил эту квартиру для себя, она это знала. Думаю, ты сгущаешь краски. Ваша с Никитой дочь – ее внучка.

Юля усмехнулась.

– Ты не знаешь мою свекровь. У нас с ней отношения напрочь испорчены. Она будет рада видеть меня у разбитого корыта.

Юля отвернулась и посмотрела на Волгу. Тучи уползли на противоположный берег, вымытое солнце трогало воду искристыми лучами. Когда они с Никитой начали встречаться, свидания назначали исключительно здесь, на набережной. Когда смотришь на воду, на далекие очертания другого берега, кажется, что все впереди замечательно, а город такой же красивый, как это место, и ощущение молодости и счастья легко бежит по венам и артериям подобно реке.

Они поженились, когда Никита был на третьем курсе, а она – на первом. Свекровь была в ужасе. Ее единственный сынок, надежда всей жизни, и вдруг… Ладно бы невестка попалась из обеспеченной семьи, а то так, голь перекатная. Когда сын все-таки женился, не вняв мольбам матери, та надулась и заняла позицию наблюдателя, готовая в любой момент вставить едкое словцо по поводу никудышной жены Никиты. Но Никита имел удивительное свойство – он всегда плевал на чужие советы. Выслушивал их с лицом «себе на уме»

и, посмеиваясь, обещал сделать все, «как скажете». И делал так, как никто от него не ожидал.

– И все-таки поговори со свекровью. Внучка все же…

– Да говорила я, – с трудом отрываясь от воспоминаний, откликнулась Юля. – Вернее, она со мной. Когда делали поминки на сорок дней, она меня спросила: «Где жить-то теперь собираешься? Квартиру-то сынок на меня записал, обеспечил матери старость». Я не поверила ей! Думала, заговаривается она от горя. Единственный сын в автомобильной катастрофе разбился. А она твердит свое: «Ну ничего, у тебя денег много. Никита тебя как королеву содержал. Ни дня не работала. Да и замуж выскочишь, молодая еще». А к Оленьке она всегда была равнодушна, поскольку дочь на меня похожа, не на Никиту.

– Ну а деньги-то у вас остались?

Игорь отодвинул пустой стакан и достал сигареты.

– Какие деньги? – возмутилась Юля. – Мы все угрохали на квартиру. Хрущобу свою, полуторку, продали, мебель старую тоже. Даже гараж с погребом. Никита говорил, что гараж будет присматривать возле новой квартиры. Чтобы поближе.

– Насколько я был в курсе дел Никиты, у него имелись деньги. Что же за квартира такая, что он в нее все до копейки вложил?

– Хорошая квартира. В элитном доме, в двух уровнях, трехкомнатная.

Игорь присвистнул.

– Достойную старость мамаше обеспечил.

Криво усмехнулся. Глаза его от пива заблестели, на скулах появился румянец. Вообще Солодовников светился довольством жизнью и безмятежностью. Раньше у них с Никитой были общие дела, они кружились в одних кругах, ездили на одни курорты. Доход у них был примерно одинаков, возраст – тоже. И вот Никита как бы вырвался вперед – иномарка у него новехонькая появилась у первого, и квартиру в элитном жилом комплексе он первый отхватил. И вот в один момент – бац! Все вдребезги. Машина – всмятку, квартира, считай, никому не досталась. Мать наверняка ее продаст, чтобы получше питаться. А вот у него, Солодовникова, все тип-топ. Тише едешь, дальше будешь. «Мерс» он купил хоть и подержанный, и позже Скачкова, но зато… «Мерс», одним словом. Бог даст, и квартиру сменит. Может, как раз у Никитиной мамаши и выкупит.

Именно эти мысли и заподозрила в аккуратно подстриженной голове Солодовникова молодая вдова, сидящая сейчас напротив него. «Зачем я обратилась к нему? – скривилась она, как от боли. – Ему до фени мои проблемы. Он был другом, пока зависел от Никиты. Пока у них были общие дела. Теперь ему до лампочки. Да и может ли он помочь? Чем?»

– Чем я могу помочь? – эхом на ее мысли отозвался Игорь.

– Мне нужно устроиться на работу, – вслух подумала Юля и отхлебнула сок.

– Образование? – деловито осведомился Игорь, выпуская дым в сторону.

Его строгий дорогой костюм не вязался с пластиковыми столиками летнего кафе, запахом шашлыков и темной бутылкой пива «Толстяк». Имидж Солодовников сменил, а привычки остались старые.

– Я окончила философский факультет университета.

– Угораздило тебя, – протянул Солодовников, по-новому оглядывая ее с головы до ног. – Ну а печатать ты умеешь? Компьютер знаешь?

– Я научусь, – быстро ответила Юля, испуганно отмечая, как внутри все леденеет.

Тучи вернулись из-за Волги, поднялся ветер и стал кружить по набережной белые пластиковые стаканчики и обертки от мороженого. Она ничего не умеет, никогда не работала и не представляет, как станет теперь жить. Деньги катастрофически тают.

– Да не паникуй ты… – Игорь протянул руку и накрыл ладонью ледяную Юлину. – Что-нибудь придумаем.

Рука у Солодовникова была теплая, мягкая и тяжелая. Юля вынула из-под нее свою ладонь и поежилась.

– Извини, я отвлекла тебя от дел…

Она взяла сумочку и поднялась.

– Ты домой? Я тебя подброшу, – засуетился Солодовников.

Ветер смахнул со столика пачку сигарет вместе с приго-

товленной для официанта сторублевой купюрой. Солодовников кинулся поднимать.

– Ничего, я на трамвае. Спасибо.

Юле почему-то хотелось поскорее уйти. Она злилась на себя за то, что обратилась к Игорю. Зачем? Получилось, что она жалуется на судьбу самым постыдным бабским образом. Она привыкла во всем полагаться на мужчину. Пришла пора отвыкать.

У остановки ее нагнали первые тяжелые капли дождя и черный Игорев «мерс».

– Садись, промокнешь же! Довезу!

После секундного колебания Юля все же нырнула в салон «мерса», и через минуту дождь накрыл город. Дождь стоял серой стеной. Машина врезалась в него, как ложка в кисель. Люди исчезли, рассочившись по подъездам и магазинам, а в салоне, пропахшем терпким мужским одеколоном, звучал ленивый голос Джо Дассена.

– Тебе нужен мужчина, – сказал Игорь, едва касаясь пальцами руля, – машина скользила сквозь дождь легко и бесшумно.

Юля поежилась и плотнее запахнула тонкий кардиган.

– Холодно? – заметил ее движение Игорь и снова накрыл ее пальцы своими, теперь его пальцы оказались более бесцеремонными – они с силой сжали Юлины и заодно через легкую ткань потрогали коленку.

– Я только что похоронила мужа, – напомнила Юля, пы-

таясь высвободить пальцы, – а ты предлагаешь мне ловить мужчин. У меня имеются более важные дела.

– Никита умер, а мы с тобой живы. – Игорь развернулся в ее сторону. Глаза его маслено блестели.

– Держись за руль и смотри на дорогу, Игорь. А то и мы с тобой угодим туда, где сейчас Никита.

Игорь что-то напряженно соображал. Он огляделся и быстро заработал рулем, разворачивая машину.

– Ты куда? – не поняла Юля и забеспокоилась.

Но Игорь уже завел машину в какой-то тупик между домами, остановился и, наклонившись через Юлю, нажал кнопку на дверце с ее стороны.

– Отвези меня домой! – приказала Юля, исподлобья наблюдая за действиями Игоря.

– Зачем тебе домой? – улыбнулся Солодовников, и от него пахнуло пивом. – Там тебя никто не ждет. Ты ведь еще не забрала дочку от матери?

– Зато тебя ждет жена! – напомнила Юля и дернула дверь. – Что это еще за шуточки? Открой сейчас же!

– Ты такая слабая, одинокая, беззащитная… – бормотал Солодовников, двигаясь к ней и дыша ей в лицо пивом. Рука скользнула по Юлиной ноге и нажала куда-то за ее спиной. Юлино сиденье опустилось, и она оказалась внизу, а Солодовников нависал над ней тяжело дышащей громадой.

– Солодовников! Отстань! Ты с ума сошел! – кипела Юля, тщетно пытаясь оттолкнуть его.

– Я знаю, как тебе помочь… Я помогу тебе, – торопливо обещал Солодовников, трогая мокрыми губами ее шею. – Все будет хорошо. Ты правильно сделала, что обратилась ко мне, я для тебя все, что смогу. Только будь умницей.

Левая рука Солодовникова ползала по Юлиному бедру, задрав до «некуда» подол платья, а правая пыталась расстегнуть потайные застежки кардигана. Юля крутилась, стремясь освободить руку и нажать кнопку на двери, но Солодовников оказался слишком тяжелым. Заколка в волосах больно впилась Юле в голову. Придавленная нога затекла и онемела.

– Представляю, – услышала она будто со стороны свой голос, – как Никита приставал к твоей Люське, а она барахталась, как я сейчас… А может, и не барахталась, была посговорчивей? У тебя как жена насчет этого?

– При чем тут Людмила? – Солодовников оторвался от Юлиных пуговиц и приподнял голову. – Что, они с Никитой?..

– А почему нет? Тебе такое в голову не приходило? Люська на Скачкова поглядывала. А он был не промах.

– Ты что-то знаешь? – Игорь приподнялся, пытаясь заглянуть ей в глаза.

Воспользовавшись его замешательством, она выдернула затекшую коленку и на ощупь открыла дверь.

– Дура! Там же ливень! – дернулся Игорь, когда она двинула коленкой вперед. – Не темни, у твоего муженька что, действительно были шашни с моей Люськой?!

– Никита был красивый мужик, – сказала Юля, приводя в сидячее положение свое кресло. – И обходительный в отличие от тебя.

Она резко открыла дверь машины. Так, что чуть не стукнулась о стоящий поблизости мусорный бак.

– Да ладно, что ты ломаешься! Можно подумать – не хочешь, – потянулся вслед за ней Солодовников.

– Забудь, пожалуйста, все, что я сегодня тебе рассказывала, – наклонилась к нему Юля. – Считай, что я никогда не обращалась к тебе. Поскольку не считаю тебя другом Никиты.

Юля развернулась и торопливо пошла прочь из грязного закоулка.

– Эй! А про Люську с Никитой ты что, пошутила? Или нет? – заорал ей вслед Солодовников. – Я не понял!

– Идиот, – процедила сквозь зубы Юля Скачкова, ступая в босоножках в бурлящий поток на проезжей части. Когда она добралась до своего дома, на ней не было сухой нитки. Открыла дверь и прислонилась к ней спиной. Только теперь она почувствовала противную внутреннюю дрожь, бьющую изнутри. Она бросила сумку и открыла дверь ванной. Покрутила кран горячей воды – пусто. Это обстоятельство почему-то добило ее окончательно. Она зло хлопнула дверью ванной и потащилась в зал. Здесь кругом громоздились коробки с вещами, приготовленные к переезду. Она перешагнула через них и опустилась в кресло. Дрожь не унималась.

Юля стала думать, как ее унять. Телефонный звонок неприятно резанул слух. Звонила квартирная хозяйка. Напоминала, что срок оплаты послезавтра, и попросила, чтобы сумма была в долларах.

– Я помню, – буркнула Юля.

– Вы не забыли, что до десятого числа квартиру нужно освободить? – не унималась хозяйка. – Я договорилась с людьми, так что…

– Сегодня только четвертое! – рявкнула Юля и бросила трубку.

На нее навалилось оцепенение. Сумерки стянулись в густую ночь, а она все сидела, не включая света. Мысли, одна мрачнее другой, настигали ее.

Что ей теперь делать?

Пополнить собой армию нищих, которые толпами тусуются по вокзалам? Стать леди Бомж? Или прийти к брату в его многодетную семью вместе с мамой и Оленькой?

Впервые в жизни Юля иначе, чем всегда, подумала о тех бедолагах, которые уходят из жизни добровольно. Если, например, открыть газ, лечь на диван и уснуть? Наверное, ничего не почувствуешь…

В душе что-то треснуло. Юля почувствовала, что ею овладевает паника. Она вскочила и заметалась по квартире, словно здесь, в каком-то из углов, могло иметься что-то такое, что подсказало бы ей выход. Она включила свет в комнате, в прихожей, на кухне. Кругом. Обошла каждый угол. Пока

не ткнулась взглядом все в тот же телефон. Это была подсказка. Но – кому звонить? Кому можно позвонить ночью, чтобы человек захотел и смог тебя выслушать? И не только выслушать, а развернуть твое настроение на сто восемьдесят градусов, перевернуть с ног на голову, чтобы выход нашелся сам собой?

Юля тщетно перебирала в уме всех своих знакомых, всех из их с Никитой окружения и не находила ничего подходящего. Телефон доверчиво и в то же время требовательно взирал на нее.

Юля взяла записную книжку и стала листать. Ее уже не смущала ночь за окном. Если она не поговорит сейчас же с живым и светлым человеком, утро для нее не наступит уже никогда.

Перерыв записную книжку, она вытащила кипу фотоальбомов. Неужели нет никого, кто мог бы ей помочь? Не может такого быть! Ведь бывало ей в жизни по-настоящему хорошо? Когда? Где? С кем? Юля торопливо листала снимки, пока не наткнулась на прошлогодние кадры отдыха в санатории «Лесная поляна». Светлым пятном всплыл из памяти их балкон, звенящая летняя ночь, когда они втроем – Юля, Наташа и дядька из соседнего номера – читали вслух стихи и говорили о своих болезнях. Они старались перещеголять друг друга в экзотичности заболеваний, степени их развития. Впрочем, область заболеваний была одна – разговор крутился вокруг почек. Наташе, Юлиной соседке по номеру, недавно удали-

ли почку, которая почему-то оказалась двойной и отказывалась работать. Наташа так и заявила: было три, осталась одна. Мужик из соседнего номера сказал, что она салага по сравнению с ним, поскольку у него обнаружили целых четыре почки, и со всеми четырьмя у него проблемы. Юля тихо давилась смехом и удивлялась себе, поскольку ее собственные камни в левой почке оказались цветочками по сравнению с рассказами соседей. И вдруг среди ночной идиллии раздался хриплый бас с нижнего балкона.

– Да угомонитесь вы наконец? Три часа ночи! Весь санаторий в курсе, сколько у вас там почек, ёкарный бабай!

Тогда они стали давиться смехом все трое и долго корчились, не в силах успокоиться. А утром, за завтраком, все трое как по команде прыскали, едва взглянув друг на друга.

Юля стала невольной свидетельницей зарождающегося романа Наташи с главным врачом санатория, Евгением Петровичем.

Наташа была, безусловно, светлым человеком и своей мощной положительной аурой притягивала людей. Юля сразу вспомнила, что Наташин телефон она записала на астрологическом календаре, купленном в санатории. С паникой подумала о том, что не в состоянии вспомнить – в какую из коробок сунула календарь. До утра она успела перерыть все свое хозяйство, но нашла его! Дрожа и нервничая, она набрала Наташин номер.

Глава 3

Почему, оказавшись в тупиковой ситуации, она не сразу вспомнила о Наталье Михайловне? Почему она не додумалась сразу обратиться к ней за советом? Кому, как не Наташе, знакома ситуация тупика, безысходности? Да та просто живет в состоянии тупика уже очень долго и даже умудряется ловить минуты счастья.

Своим теплом и жизнелюбием она притягивает людей подобно магниту. К ней хочется прислониться душой, попасть в сети ее расположения, рассказывать ей секреты и плакаться в жилетку. Ее цветущий внешний вид (несмотря на все болезни, беспробудное пьянство нигде не работающего мужа), ее умение найти в любой ситуации положительный момент как-то сразу расположили к ней Юлю. Потом, после санатория, они стали общаться по телефону и даже несколько раз были друг у друга в гостях. Город-спутник, где жила Наташа, находился не слишком близко по меркам Юли, и она отправлялась туда на машине Никиты. А Наташа заглядывала к Юле как-то раз вместе с Бородиным. Юля поила их чаем.

А вот последние месяцев пять они потерялись, но, оказывается, не навсегда.

– У тебя же есть дача! – вдруг сказала Наташа, когда Юля закончила свое печальное повествование и они обе, наплакавшись, сидели с ногами на диване.

– Дача? – эхом вторила Юля, с трудом пристраивая свои мысли в то русло, которое ей выбрала гостья. – Это развалюха-то в Вишневом? Я, Наташ, честно говоря, не представляю, что из этого можно извлечь. Никита и купил-то ее по дешевке, под снос. Из-за земли. Он намеревался там дом строить. В будущем.

– Правильно. Потому что там красиво.

– Откуда ты знаешь?

– Мы с Бородиным проезжали там. С дороги Волгу видно, ночью мост в огнях, и пароходы плывут.

– Даже если я продам этот дом, мне не хватит вырученных денег даже на комнату в коммуналке здесь, в областном центре. Да я и не смогу его продать, поскольку он оформлен на Оленьку.

– У тебя есть дом! – как заклинание твердо повторила Наташа. Словно и не слышала того, что говорила ей Юля. – Так что причин для абсолютной паники нет. Я не предлагаю его продавать. Я предлагаю в нем жить.

– Жить? – не поверила своим ушам Юля. Она и в Вишневом-то никогда не была и дома этого не видела. Никита показал ей документы и объявил, что теперь у них есть дача. Она только плечами пожала. Не все идеи мужа вызывали у нее бурный энтузиазм. Купил у каких-то пьяниц дом по дешевке, это его дело. Вот будет там нормальная дача с садом и лужайкой, они с Оленькой станут проводить там уик-энды. С удовольствием. Могла ли она предположить, что эта

пресловутая «дача» станет их с дочкой единственным пристанищем?

Денег оплачивать квартиру нет. На работу без стажа и с такой «экзотической» специальностью никто брать не спешит.

– А что я там буду делать? – недоверчиво поинтересовалась Юля.

– А что и все. Да у них там пенсионеры из наших мегаполисов накупили дач, квартиры в городах детям оставили и наслаждаются свежим воздухом. Будешь вишню продавать на трассе, там все этим живут. Мысли в порядок приведешь. А там видно будет.

Теперь уже Юля не возражала так рьяно. Она ходила по кухне, заваривала чай, готовила в микроволновке горячие бутерброды и по капле впускала в себя Наташино бредовое предложение.

А что? Хоть какой-то выход. В тупик уже проникла струйка свежего воздуха. По крайней мере можно съездить и посмотреть. У нее больше нет сил сидеть на чемоданах, перешагивать через упакованные, готовые к переезду коробки и ждать чуда.

– На что ты живешь? – поинтересовалась Наташа, наблюдая, как Юля движется по квартире, совершая выбор.

– У нас было немного, на какое-то время хватит. За квартиру дорого платить. Хозяйка приходит день в день и требует свои сто долларов. Если бы у меня была какая-нибудь

специальность типа экономиста…

– Или юриста.

– Вот-вот. Я ведь хотела получить второе высшее, Никита был против. А о том, чтобы я работала, не могло быть и речи! Сиди дома и обеспечивай ему тыл.

Наталья Михайловна зажмурилась:

– Пожить бы так хоть недельку – за чьей-нибудь спиной! С забитым холодильником, чтобы голова ни о чем не болела.

Юля обернулась и смерила ее недоверчивым взглядом.

– Вы бы не смогли, Наталья Михайловна. Натура не та.

– Это точно. Сбежала бы на работу. Вернее, на работы.

– Вы так и работаете в двух местах?

– Теперь в трех.

– С ума сойти! Это с твоим-то здоровьем! – ахнула Юля, от изумления вновь перейдя с «вы» на «ты». – Ты же говорила, что хоть одну бросишь! Хотя бы школу!

– Школу не могу. В этой школе Лерка учится. Я им помогаю к смотрам готовиться. Попросили спектакль поставить, как я откажу? Лерка и так оценками не блещет, так хоть учителя к ней внимательней относятся, чтобы мне угодить.

– Ну а Дом творчества? Ты же говорила, что смотреть там уже ни на что не можешь и директор тебя достал?

– Достал. Верно. Но там дети, которых я пять лет растила. Хорошая группа, жалко бросать. Мы с ними «Чиполлино» ставим. Знаешь, я придумала применить поролон для постановки, и…

– А радио? – перебила Юля, не особо горя желанием слушать Наташин фанатичный рассказ об очередном шедевре, который унесет у нее новую порцию здоровья, а судьи на очередном фестивале изрядно попортят кровь.

– Радио? Там платят хорошо. Работы, правда, много, но все-таки платят. Нефтеперерабатывающий завод, не какое-нибудь депо.

– Молчу, молчу, – улыбнулась Юля. – Вот только когда ты все успеваешь?

Наташа усмехнулась с горчинкой.

– А куда мне деваться, Юль? Куда деваться? Рожнов не работает. А если и устроится куда, непременно попадет в приключение. То машину разобьет, то пьяный за руль сядет. Я только его права раз пять у милиции выкупала. А машин сколько отремонтировала на свои деньги – не перечесть. Пусть уж дома сидит, мне дешевле обходится. А Лерку одевать надо, лечить, учить… Она школу заканчивает. Если бы она еще это ценила…

В Наташином голосе послышалась горечь. Откровенная досада на дочь выплеснулась наружу.

– Что-то случилось?

Сигарета означала особенно волнующую тему. Наташа курила редко, только во время посиделок с подругами и когда волновалась или нервничала. А Юля… Если рассказы о буднях Дома творчества ее мало интересовали, то тема «дочки-матери» являлась живой и близкой.

– Лерка… переспала с парнем, – выпустив дым, сообщила Наташа. Банальные, по сути, слова применительно к дочери казались чудовищными, грубыми, неправдоподобными. Обида с новой силой хлынула в грудь. Встала поперек, заставив закашляться.

– Сколько ей? Шестнадцать? – уточнила Юля, выдержав паузу.

– Пятнадцать! – невесело усмехнулась Наташа. – Ей только в следующем месяце шестнадцать исполняется. Она с шести лет в школу пошла. Сопля! И ладно бы – приспичило! Ладно бы она так сгорала от страсти, что невмоготу, а то ведь нет, ей ничего такого не надо было, просто любопытство! Он уговорил ее попробовать!

Наташа уронила пепел на юбку, неловко взмахнула рукой с сигаретой – новая порция пепла упала теперь уже в стакан с Юлиным чаем. Она злилась на себя за то, что раскрыла их с Леркой тайну постороннему человеку. Рассказанная, она казалась ей еще более ужасной. Нельзя было этого делать, это личное…

– Успокойся, все уже случилось. – Юля убрала остывший чай и открыла створку шкафчика, где стояло несколько бутылок. – Молдавского вина хочешь? – спросила она и, не дождавшись ответа, достала фужеры и темную красивую бутылку. – А как ты узнала? Она сама тебе рассказала?

– Из письма. Письмо прочитала. Как будто кто толкнул.

– Ты прочитала ее письмо?

Юля посмотрела на гостью с каким-то новым выражением.

– Да, прочитала! – с вызовом ответила Наташа. – И твоя подрастет, ты поймешь, что невыученные уроки – это цветочки. И будешь и письма читать, и записки. Ты знаешь, у меня сейчас такое чувство, что меня все предали. Рожнов – давно. А теперь вот – дочь.

– Но при чем здесь ты? – попыталась найти связь Юля. – Вряд ли она в тот момент думала о тебе. Она лишь сделала хуже себе, испортив первое впечатление об интимных отношениях.

– Она – это я. Я – это и она тоже. Мы неразделимы, – горячо возразила Наташа, не зная, куда деть окурок, и яростно терзая его в пальцах. – Я стараюсь обо всем говорить с ней откровенно, я не обхожу эти темы, как некоторые матери. Так за что она так со мной?

Наташа не выдержала – на глаза набежали слезы.

– Ну, ну, ну… – Юля дотронулась до Наташиной руки. – Все не так страшно. Она сама этого захотела. С парнем, который ей нравится. А могло быть иначе. Меня вот сегодня пытались изнасиловать. Мне хоть и не пятнадцать лет, но, знаешь, приятного мало. Ну брось. Давай выпьем. Выпьем за наших дочек. Чтобы у них все было… – Юля запнулась. Потом задорно тряхнула челкой: – Чтобы у них все было!

Выпили. Вино оказалось густым и терпким. Юля отметила, что паническое состояние, овладевшее ею этой ночью, от-

ступило, переплавилось в иное. Она думала о дочке, о том, что скоро ее первый учебный год, и мысль о незнакомом месте с кисло-сладким названием Вишневый вернулась.

– Наташа! Как хорошо, что ты есть… – улыбнулась Юля. – Может, ты съездишь со мной в Вишневый?

– Мне в деревню нужно. Пока я с Леркой не поговорю, я буду жить как на раскаленной сковороде. Я к тебе потом приеду, как устроишься. У тебя обязательно все будет хорошо.

Наташа понимала Юлину неуверенность. Юля прожила десять лет за широкой спиной Никиты, не зная и не стремясь узнать жизнь. А теперь хочешь не хочешь нужно выходить в эту жизнь, как зимой на мороз.

– Никита снится? – невольно вырвалось у Наташи. Она сразу пожалела, что спросила. Но вопреки опасениям Юля оставалась спокойной. Только задумчиво посмотрела в мутный квадрат окна, словно оттуда мог явиться в ее сны покойный муж.

– Один раз. Стоял вдалеке так и смотрел виновато. Самое интересное, Наташ, в жизни он на меня так никогда не смотрел. Я такого его взгляда не помню виноватого. Всегда уверенный, даже немного снисходительный. Виноватый – никогда.

– А когда ссорились?

– Я всегда первая мириться начинала. Я долго не могу выдержать молчания. Он у нас в семье всегда главный был во

всем. Даже одежду мне покупал на свой выбор.

– Как это?

– Ну так. Раньше, как только поженились, я, бывало, куплю себе что-нибудь, он обсмеет меня. Говорит: наряд председателя колхоза «Десять лет без урожая». Потом я без его одобрения ничего покупать не стала. Теперь уж и не соображаю без него – идет мне или нет.

Наташа покачала головой. Все, что говорила о своей семейной жизни Юля, было для нее настолько странно, что она с трудом представляла себе подобные отношения. Хотя если бы она жила с Женей, то… Пожалуй, она не прочь ходить с ним по магазинам в поисках какой-нибудь блузки. Пусть бы он диктовал ей, она доверяет его вкусу. Лишь бы он был рядом… Всегда. Но это невозможно. Он опутан паутиной жизни так же плотно, как и она сама. Почему у других так легко и просто получается? Разошлись, разменялись, переженились. А у них будто не нити отношений, а цепи. Может, она все усложняет?

– Я вообще своего мужа мало знала, – озвучила свои мысли Юля, а Наташа не сразу оторвалась от своих. – Его жизнь там, за пределами дома, была для меня непонятной. Он мне никогда не рассказывал о работе, о своих делах. Ну, знаешь, как это бывает в других семьях, где все обсуждается. Теперь я не знаю его настоящих друзей и вообще – были ли у него друзья? Не в курсе – какие и где у нас были деньги, что мы имели. Не понимаю логику многих его поступков. Напри-

мер, с этой квартирой. Почему он купил ее на имя матери? Может, он хотел со мной развестись?

– Глупости, – остановила ее Наташа. – Так можно не знаю до чего додуматься. Жила не тужила за Никитой как за стеной. Он, может, всем вам намеревался по квартире купить со временем. Кто его знает…

На следующий день, подогретая разговором с Наташей, Юля съездила за дочкой, и они отправились на вокзал. Оля смотрела на все с удивлением. Даже рот у нее оставался открытым, словно являлся дополнительной антенной для восприятия.

– Мам, а это почему? А это кто, мам?

Уже на перроне Юля засомневалась – правильно ли она сделала, потащив с собой дочку. Оля первый раз ехала в электричке! Она не знала никакого транспорта, кроме их комфортабельной машины и салонов такси. И вдруг на нее разом, без подготовки, вывалилось все, что являлось сутью пригородной электрички: грязь; пьяный, уснувший на лавочке, выставив ноги в проход; глухонемой, разносящий книжки о здоровом образе жизни; фанатичные сектанты, раздающие брошюрки; цыгане, коверкающие эстрадные хиты… Юля, как экскурсовод, пыталась объяснить дочери суть явления. Но видела, что та не понимает. Проехали уже полчаса, а Оля все еще с опаской чужака смотрит на свое новое окружение. Она даже ни разу не взглянула в окно, широко

распахнутыми глазами изучая содержимое вагона. Девочка была в ступоре, нос к носу столкнувшись с жизнью. Едва проехав станцию со смешным названием Половинка, электричка сбавила ход и встала посреди чистого поля. Устав от впечатлений, Оля уснула, уткнувшись матери в бок. Юля отвернулась в окно, но, поскольку смотреть было не на что, вскоре вынуждена была вернуться к действительности, которая отнюдь не утешала. Все та же нищета, грязь и безвкусица заполняли старый раздрыганный вагон. Ее внимание привлекли мать с дочкой – только что вошедшие. Мать, молодая женщина спортивного вида, стояла и наблюдала за девочкой лет восьми. Ее дочь металась от окна к окну и притопывала ножкой.

– Поехали, ну поехали! – уговаривала она кого-то. Электричка стояла, а девочка нетерпеливо оглядывалась на мать, причем лицо ее выражало смесь радости и досады. Юля догадалась, что «поехали» относится к электричке. Словно подчиняясь настойчивой просьбе девочки, вагон заскрипел и дернулся. Состав вяло, словно нехотя пополз, и девочка запрыгала на месте.

– Мама! Смотри, едем! Едем! Ура!

Теперь уже на дочь и мать оглядывались полвагона. Ладно бы ребенок был лет четырех-пяти, восторг понятен. Но – восемь?..

Матери было явно неловко за бурные эмоции девочки. Она покраснела, не зная, как быть. Похоже, неуемный вос-

торг дочери по поводу поездки в электричке явился для нее полной неожиданностью.

Между тем девочка продолжала летать от окна к окну и бурно выражала одобрение пейзажа, проползающего за окном.

– Человечки! – подпрыгивала она, увидев копошащихся в огороде жителей деревни.

– Вы что, не местные? – с сочувствием поинтересовалась старуха с двумя корзинками.

Красная, как из бани, женщина отрицательно покрутила головой.

– Местные, – отмахнулась она и поискала глазами свободное местечко.

Старуха попыталась угостить девочку яблоком, которое долго выбирала, шаря рукой в завязанной платком корзинке. Но девочка отмахнулась от нее как от назойливой мухи и побежала к противоположному окну, где проносился состав, груженный легковыми автомобилями. Завороженно поворачивала она свою маленькую головку, словно маятник настенных часов. Тик-так.

Женщина увидела освободившееся место напротив Юли и села. Щеки ее, все еще покрытые красными пятнами, горели, и она машинально прикладывала к ним ладони. С девочкой заговаривали пассажиры, подшучивая над ее дикостью. Ей было все равно – она никого не замечала, упиваясь поездкой как приключением.

– Моя дочь тоже ни разу не ездила в электричке, – заговорила с соседкой Юля, пытаясь ободрить ту. – Мы всегда на машине, а сегодня вот она едет первый раз.

Юля показала глазами на спящую Оленьку. Женщина усмехнулась, окинула Юлю взглядом.

– Видите ли… – тихо заговорила она. – Я ее из приюта везу. У нее мать родительских прав лишили. Я – опекун. Она многие вещи видит первый раз в жизни. А многие увидела раньше, чем положено.

Юля покачала головой. Теперь она другими глазами смотрела на девочку и ее приемную мать. Поезд снова притормозил и встал намертво.

– Почему не едем? – забеспокоилась девочка, оглядываясь на пассажиров. – Когда поедем?

– Сегодня – окно, – пояснил ей пожилой мужчина с дочками. – Пути ремонтируют. Может и час простоять, и два.

Но он ошибся. Электричка простояла перед железнодорожным мостом без малого пять часов. За окном густела синева. Пассажиры нервничали и ругались. Оля проснулась и захотела есть. Дочь Юлиной знакомой без конца теребила опекуншу, беспокойно и просяще заглядывая той в глаза. Ей не сиделось, она больше других изнывала от вынужденного простоя. Она то и дело вскакивала и принималась бродить между сиденьями, останавливаясь то тут, то там и наблюдая за тем, что делают пассажиры. Она и к ним приставала с расспросами насчет вынужденного простоя, ныла и за пять ча-

сов набила всем оскомину. В конце концов бабка с корзинками отправила назойливую к матери, но девочка подалась к дядьке с удочками. Опекунша не выдержала, подошла к ребенку и сделала замечание. Эта невинная воспитательная мера возымела странный по своей силе эффект. Глаза девочки моментально налились слезами, она остановилась в проходе в середине вагона и заревела. Ревела она надрывно, на зрителя. С обильными слезами, громко всхлипывая и подвывая. Возникло ощущение, что девочку сильно и несправедливо наказали, даже побили. Кто-то попытался утешить. Куда там! Плач усилился. Весь вагон смотрел на дочь и мать. Люди перешептывались осуждающе. Причем большинство, судя по всему, осуждали мать, а несчастного ребенка жалели, предполагая жестокое к ней отношение. Опекунша взяла девочку за руку и попыталась увести на место. Не тут-то было. Девочка уперлась, предпочитая работать на публику. Оля смотрела на девочку во все глаза.

Нервное состояние ребенка, напряжение в вагоне подстегивали и без того беспокойное Юлино чувство. Что делать? Они попадут в Вишневый только в сумерки. Как найдут нужную улицу? А когда найдут, что будут ночью делать в чужом пустом доме? Там, должно быть, и днем жутко. Доехать до конечной станции и ночевать на вокзале? Юлю начинала потряхивать внутренняя дрожь. Между тем истерика юной пассажирки не прекращалась. Лицо ее от слез пошло пятнами, худенькое тельце сотрясали судороги всхлипов. Опекун-

ша посерела лицом, не умея совладать с проявлениями детского характера. В ее адрес уже сыпались откровенно недоброжелательные выкрики:

– Довела ребенка!

– Расшатают детям нервы, а потом удивляются, откуда наркомания всякая!

– Да она ее бьет и не кормит, по всему видно!

Вопрос разрешила толпа цыганят, ворвавшаяся в вагон подобно стае саранчи. Впереди всех шла девчонка в ярких лохмотьях с чумазым младенцем, привязанным к ее животу. Увидев рыдающую малолетку, цыганка остановилась – руки в боки – и грубо приказала:

– Чего встала! Дай дорогу! Воешь тут! – и что-то зычно добавила по-своему.

Цыганята сзади засмеялись. Девочка исподлобья зыркнула на цыган и торопливо юркнула на свое место. Рев прекратился столь же резко, как и начался. Она шмыгнула носом и отвернулась к окну. Цыгане шумно двинулись по проходу. Электричка дернулась, поползла и вскоре резво помчалась.

– Пока доберусь до дома, полжизни потеряю, – бросила опекунша.

Девочка ее не слушала, поглощенная картинкой за окном. Мгновенно забыв, что причинила приемной матери столько беспокойства, девочка дергала ее то и дело за руку и восклицала:

– Смотри! Смотри!

– А далеко вам ехать? – поинтересовалась Юля.

– В Вишневом выходим.

– Правда? – Юля обрадовалась, инстинктивно угадав в женщине отзывчивую душу. – Я тоже туда! А улицу Станционную знаете?

Юля с дочкой вышли за своими новыми знакомыми в сумрак станции. Их повели неровной тропкой, теряющейся в зарослях бурьяна, вдоль череды огородов, покосившихся заборов и неясных очертаний каких-то кустов. Возле колонки Юлина новая знакомая, представившаяся Ларисой, объявила:

– Мы пришли. Вот наш домик. А вам – туда. – И показала в сторону темнеющих невдалеке строений.

Юля поежилась. Распрощавшись со своими спутниками, Юля, крепко держа дочь за руку, двинулась вперед. Фонари на улице загораться не спешили, из-за заборов подавали голос собаки. С неба подглядывала за Юлей половинка луны. В ее скудном свете женщина наконец увидела на одном из заборов намазанную белой краской цифру 38.

Подбадривая себя тем, что маячившее впереди строение – их собственность, Юля открыла калитку и шагнула внутрь. Они попали в заросший сад. Пахнуло осенним листом, какой-то травой, дымом. За густой паутиной веток был виден только темный силуэт вытянутого пеналом дома. В темноте он казался чужим и враждебным.

– Я боюсь, – пискнула Оля, но Юля одернула ее:

– Глупости!

Под ногой хрустнула ветка, и Юля вздрогнула всем телом, внутри будто что-то оборвалось. Она замерла, прислушиваясь, и сад замер вместе с ней, будто передразнивая. Ей казалось, все предметы, неясные очертания которых выступали из темноты, насторожились и ждут. Она стала нарочно громко разговаривать с Олей, рассуждая, как они здесь хорошо устроятся и как утром их ночные страхи покажутся смешными и они будут хохотать сами над собой.

Она решительным шагом двинулась вперед по тропинке и вдруг остановилась как вкопанная. Впереди, в темном квадрате окна, мелькнул огонь! Юля зажмурилась и потом потихоньку открыла один, а затем другой глаз. Слабый язычок пламени мелькнул теперь в другом окне. Холод накрыл ее с головой. Огонь то ли свечи, то ли зажигалки разгуливал по ее дому! Там кто-то был! Ужас тяжелой волной толкнул Юлю в грудь. Она отшатнулась, увлекая за собой Олю, в темноте они задели что-то ногами, это «что-то» оказалось садовой лейкой, которая, упав, попала в оцинкованный таз и издала звук, подобный громовому раскату. В соседнем дворе залаяла собака. Надрывно, с подвыванием ее подхватили «коллеги» – улица погрузилась в собачий перелай. Огонь свечи умер в окне. Юля попятилась к калитке, Оля захныкала. Они ясно услышали хруст веток и шум в конце огромного запущенного сада. Кто-то уходил через заднюю калитку.

Глава 4

Окрестности сельского клуба сотрясали звуки ударных. На крыльце тусовалась молодежь, покуривая и потягивая пиво. Мат, визгливый смех девчонок и хохот пацанов смешивались с фонограммой группы «Стрелки».

Лера сидела на спинке скамьи, спиной к клубу, и, глядя прямо перед собой, лузгала семечки.

– Говорил тебе – не ходи туда, – ворчал Колька Смирнов.

Он на самом деле уговаривал ее не ходить сегодня на танцы. Делать там нечего. И Мишка предлагал пойти к реке и устроить костер. Но их отговоры лишь укрепили желание сделать по-своему. Она поняла, что Юра там и что он не один, и захотела сделать себе больнее. Как дура притащилась в клуб! Увидела Юру с этой девочкой с Севера, Аленой. Они целовались под музыку прямо посреди зала. Его руки находились под ее майкой, и, увидев Лерку, он не смутился, не опустил руки, а только поплотнее обхватил габаритную Алену.

А та вообще ничего не замечала вокруг, лениво, в такт музыке, двигая ягодицами.

Лерка вылетела из клуба и помчалась к реке. Туда, где они обычно гуляли с Юрой. Она еще надеялась, что он догонит ее и станет убеждать, что с Аленой он просто так, чтобы позлить Лерку. Но вместо Юры притащились Колька и Мишка

и позвали ее на лавочку.

– Она все равно скоро уедет, – осторожно бросил Мишка, отрывая плавник у сушеной воблы. – Я слышал, ей Семеновна уже билет на самолет до Сургута купила.

– И я уеду, – усмехнулась Лера, выбрасывая в траву остатки семечек. – И он. И вы уедете. Ну и что? Что из этого?

– Ничего, – отозвался Колька. – Просто с ней он гуляет недавно. А с тобой… сколько?

– Сколько? – зло передразнила Лерка и тут же отрезала: – Все. Тема закрыта. Хотели костер? Давайте ваш костер!

На свет костра подтянулись девчонки. Потом деревенские пацаны принесли домашнего вина. Лерка громко, неестественно хохотала над Колькиными шутками. Мишка тоже вовсю прикалывался – он здорово изображал эстрадных артистов.

Поначалу Лерке приходилось выдавливать из себя смех, делать вид, что ей весело и она не думает о Юре, о его руках, лапающих девочку с Севера. А потом ей и вправду стало весело – то ли от вина, которое на вкус было вроде компота, то ли от шуток ребят, то ли еще от чего. Поэтому для нее полной неожиданностью прозвучало сообщение запыхавшегося Андрюшки, Колькиного брата, примчавшегося из деревни на велике.

– Лерка, тебя мать везде ищет! Сюда идет.

Лерка отчего-то побледнела. Она чувствовала, что бледнеет, но не понимала отчего. А лица Кольки и Мишки по-

скучнели. Бутыль с вином спрятали за корягу. Веток в костер подбросили. Лера накинула ветровку и направилась по тропинке в сторону деревни. Зачем это маме вздумалось приехать среди недели? Тем более что они с отцом собирались вернуться домой в понедельник. Неожиданно сердце незнакомо стукнуло и заныло. Лера прибавила шагу. Она почти столкнулась с матерью у оврага. Та вынырнула из лопухов – запыхавшаяся, какая-то вся взъерошенная. На секунду они замерли друг перед другом, тяжело дыша.

– Привет, мам, – первая сказала Лерка и потянулась для поцелуя. – Ты чего это на ночь глядя?

– Где ты ходишь, Лера? – все еще задыхаясь, спросила Наташа. – Я и в клубе была, и у подружек твоих…

– Мы с ребятами костер жгли. А что случилось? Ты зачем приехала?

– Я? – Наташа обшаривала дочь взглядом, все еще тяжело дыша и словно боясь увидеть в той какие-то заметные перемены. Лерка показалась ей выше ростом, и в лице, как нарочно, промелькнуло что-то рожновское. Тень усмешки. То, чего Лерка в себе не замечала.

– Так я… приехала вот… за тобой. Надо к школе подготовиться.

Глухая деревенская ночь, овраг в лопухах, отзвуки дискотеки, и посреди этого – взволнованная мать, несущая что-то несусветное. Все это не вязалось у Лерки в мозгу и вызывало подозрения. Она пожала плечами.

– Ну, пошли домой.

– Нет! – остановила ее Наташа и развернула к реке. – Нам нужно поговорить.

Лера послушно взяла мать под руку, и они двинулись назад. Им навстречу шли ребята от реки, вдалеке затухал брошенный, но не залитый костер.

– У тебя все нормально? – спросила мать, не глядя на Леру.

– Конечно, – пожала плечами Лерка. – Что могло случиться за неделю?

– Не за неделю. Раньше.

Лерка молчала. Они молча дошли до костра. Лерка стала собирать в кучу разбросанные ветки и кидать их в оставшийся жар. Ветки затрещали, костер вспыхнул.

– Ты говоришь неправду, – сказала Наташа с вновь вспыхнувшей обидой.

Лерка вела себя так, будто ничего не случилось!

– Ты прочитала письмо! – Лера ошпарила мать жестким взглядом. – Я так и знала! Тебе ничего нельзя доверить!

– Да, прочитала, – подхватила Наташа, вскипая с новой силой. – Ты – моя единственная дочь! Ты – моя жизнь, и я боюсь за тебя! И ты обещала мне! Ты обещала мне, что не станешь делать этого! Хотя бы пока не окончишь школу! А ты…

Не дождавшись от дочери ни слова, Наташа спросила тихо:

– Или он тебя заставил?

Лерка ковыряла веткой в костре, низко склонив голову.

– Нет, зачем, – почти спокойно отозвалась она. – Я сама захотела… попробовать. Мне было интересно.

В тоне дочери Наташа не услышала раскаяния. Она не чувствовала себя виноватой! Не жалела о случившемся!

Наташа была в шоке.

– Тебе было интересно, – эхом отозвалась она, проглатывая ком в горле. – И что, ты теперь довольна? Тебе понравилось? Может быть, ты замуж захотела в пятнадцать лет? Может быть, ты нарочно издеваешься надо мной? Давай уж, помогай отцу! Мало он из меня крови выпил за время нашей совместной жизни, так теперь еще подмога подросла! Давайте, вместе на меня навалитесь. Он – пьянкой своей, ты – гулянкой. Весело!

Наташа хлестала дочь словами, видя только ее белесую макушку и блеск черной лайковой жилетки. Не видя глаз. Она знала, что может наговорить лишнего, но остановить себя не могла. Обида кипела в ней, как вода в электрическом чайнике – бурно, с выплеском.

– Я думала: ты взрослая, понимаешь меня, прислушиваешься. А ты только делала вид! Неужели так трудно было сдержать обещание?

– Трудно! – с вызовом заявила Лерка, с хрустом ломая ветку. – Мне было одиноко! Ты все время отправляешь меня на все лето в деревню, я тут одна, без тебя! Дед пьет, отец

пьет, бабушка вся в заботах. Я никому не нужна. А Юрка… Он любит меня! Да, любит! Я хотела отблагодарить его за любовь!

– Лера! Я тебя отправляю… Да ты рвешься сюда как… Тебя же в городе не удержишь летом!

– А куда мне рваться? – яростно защищалась Лерка. – Ты каждое лето в санатории лечишься. Или в лагере работаешь. Что же, я должна в городе с пьяным отцом оставаться? Спасибо!

– Но ты никогда не говорила, что чувствуешь себя так одиноко… – растерялась Наташа, отслеживая взглядом Леркины резковатые движения.

– А как я должна себя чувствовать? – Лерка уселась на коряге и перешла в наступление: – Ты целыми днями на работе! За день у меня накапливается полно вопросов, я жду тебя, хочу поделиться. И вот ты наконец приходишь с работы! Тебе тут же начинают названивать твои подружки и выливать на тебя свои проблемы! И ты часами выслушиваешь их, подбадриваешь и даешь советы! А я как собачка жду, когда же на меня наконец обратят внимание! Когда же ты наговоришься, поешь и сделаешь свои дела, наступает ночь. Ты засыпаешь, едва коснувшись подушки. А я остаюсь одна со своими мыслями и вопросами! Одна! Всегда одна!

Голос Лерки окреп, агрессивные интонации в нем пугали Наташу настолько, что она с трудом улавливала смысл обвинений.

– В чем ты меня обвиняешь, Лера? В том, что я работаю за себя и за отца? Ты прекрасно знаешь почему. Я вынуждена тянуть семью. Если бы я работала только в одном месте, я была бы дома. Да. Но мы умерли бы с голоду! Я даже представить не могла, что услышу такие обвинения! От тебя! Я делаю это все для тебя! Пойми, мне самой ничего не надо! Ты думаешь, я получаю удовольствие, бегая по городу высунув язык? К концу дня у меня так ноет почка, что мне уже ничего не хочется. Я даже к телевизору не подхожу.

Лерка, насупившись, смотрела в костер.

– И если бы ты больше помогала мне, делая все по дому, то у нас с тобой всегда оставалось бы время поболтать. Ведь так? Но ты забываешь даже помыть посуду!

От обиды и недоумения у Наташи дрожал голос. То, что Рожнов ее три работы воспринимает как развлечение, еще куда ни шло. К его наглости притерпелась. Но Лерка!

Наташа вспомнила, как два года назад она уезжала на курсы в Москву, денег, как обычно, не было. Провожая мать на вокзал, Лерка все прижималась к ней своим тельцем и говорила: «Мне, мам, ничего не нужно. Купи что-нибудь себе».

И Наташа тогда решила, что вырастила понимающую дочь, что они как подруги. Из оставленных денег Лерка умудрилась еще что-то сэкономить и вручила Наташе после возвращения. А Наташа привезла дочери сапоги. Мерила на себя – уже тогда у них был один размер…

– Я только и слышу от тебя про эту несчастную посуду! Да

о том, что все нельзя! Это нельзя, то нельзя! А что можно? Сижу целый день взаперти, дышу папочкиным перегаром. У меня никаких развлечений, кроме деревни. В городе я даже на дискотеку не хожу, потому что у нас сроду нет денег!

– Почему эти претензии ты не высказываешь отцу? – тихо спросила Наташа.

– Что толку-то ему высказывать? От него как от козла молока…

– Мои родители тоже жили бедно, – задумчиво произнесла Наташа, пытаясь найти нить, связующую две темы – секс и бедность. – Отчим пил. А мама много работала и еще после работы сама мастерила ковры. Тот ковер, что висит над твоей кроватью…

– Да, я знаю. Его изготовила бабушка своими руками. И что?

– А то! Что я тоже хотела развлечений, и одеваться хотела, и любить. Но у меня как-то мысли не возникало в связи с этим переспать в пятнадцать лет с кем-нибудь из мальчиков!

– С кем-нибудь из мальчиков! – эхом вторила Лерка. – Юра не кто-нибудь из мальчиков! Он… Ты же знаешь, как давно он мне нравится. За ним все девчонки бегают, а он выбрал меня. И он взрослый, он не может ждать, когда я подрасту!

– Ах, он не может ждать! – взвилась Наташа и подскочила. Она стала вышагивать вокруг костра, пытаясь совладать с эмоциями и не наговорить лишнего. – Теперь он доволен?

Кстати, где он теперь? Что-то я его не заметила в твоем окружении. Зато в клубе очень даже заметила в обнимку с какой-то грудастой девицей. Быстро он тебя бросил!

– Что ты понимаешь! – Теперь они стояли друг против друга по разные стороны костра. – Может, это я его бросила! Он не может без «этого», а я, как выяснилось, не могу с «этим». Я фригидная, поняла?

– Дурочка ты, – улыбнулась Наташа.

Реакция Лерки на «дурочку» стала полной неожиданностью для Наташи.

– Да, а вы все умные! Ты сама не можешь без любовника! – закричала Лерка, отступая от Наташи к оврагу. – И все твои подруги мечтают о мужиках, и разговоры ваши о них! А я… а я…

Она развернулась и помчалась прочь от матери. Она бежала, не разбирая дороги, а Наташа, подстегиваемая все тем же чувством тревоги, устремилась следом. Силы были неравные. После оврага Лерка легко оторвалась от матери и ушла далеко вперед. Наташа со своим «минус четыре» едва различала ее белую одуванчиковую головку на черном фоне ночи.

– Лера, подожди! – просила она, но ее просьба не была услышана.

Лерка на всех парусах подскочила к крыльцу клуба. Дискотека заканчивалась, и молодежь расходилась. Прислонившись к кирпичному фасаду, ждал хозяина чей-то мотоцикл. Лерка узнала бы его из сотни таких же мотоциклов. Она

нырнула мимо пьяных, мимо целующейся парочки, тенью скользнула вдоль стены. Все, кто был на крыльце, обернулись на звук взревевшего мотоцикла. Белые легкие волосы взлетели над тонкой фигуркой, мотоцикл взвился, и Лерка помчалась по пыльной проселочной дороге.

– Лерка! Сумасшедшая! – разрезал ночь чей-то басистый голос. Все относительно трезвые молодые люди высыпали на дорогу.

– Она и ездить толком не умеет, – бросил кто-то из толпы.

Молодежь, взбудораженная непредвиденным событием, заволновалась, задвигалась. Кто-то завел мопед, кто-то двинулся своим ходом. К клубу подбежала запыхавшаяся Наташа, на нее никто не обратил внимания. Когда до нее наконец дошло, в чем дело, ноги отказали ей, и она опустилась на крыльцо клуба.

– Коля, – поймала она одного из Леркиных приятелей, – беги к Рожновым, разбуди дядю Сережу. Пусть ищет Лерку.

Через десять минут долговязый Рожнов, трясясь от злости и животного страха за дочь, выводил из конюшни Маруську, а еще через минуту скакал в том направлении, которое показали ему пацаны.

Лерка помчалась по проселочной дороге, подпрыгивая на кочках. Ветровку надуло пузырем, ветер, уже холодный по-осеннему, обжигал щеки, мотоцикл под ней зловеще ревел, норовя вырваться и сбросить ее – случайного неумелого ездока. Лерка мчалась, не ощущая ни времени, ни расстоя-

ния. Только когда дорога перед ней уперлась в темную щетину леса, она сообразила свернуть влево, съехала в поле, мотоцикл остервенело запрыгал по кочкам, колеса принялись выделывать восьмерки, и Лерка впервые по-настоящему испугалась. Мотоцикл вел себя по-звериному, он вдруг стал неуправляемым, и Лерка с ужасом увидела, что несется как раз на стоящий посреди поля старый толстоствольный раскидистый дуб.

– А-а-а… – заорала она и выпустила руль.

Ее подбросило на очередной кочке, с силой выкинуло вверх, и она, отлетев несколько метров, больно ударилась о землю. Вероятно, Лерку угораздило удариться головой, потому что, теряя сознание, она все же успела подумать о Юре. Как, увидев ее разбитой, покалеченной, он осознает, *что* потерял, и будет плакать над ней, забыв Алену.

– Лерка! – орал Рожнов, остановив взмыленную лошадь посреди поля. – Лерка!

Ответом была неправдоподобная зловещая тишина деревенской ночи, разбавляемая лишь фырканьем Маруськи. Рожнов подосадовал, что впопыхах не захватил фонарик, и теперь посреди родных просторов, где вырос, стоял совершенно беспомощный.

Со стороны деревни послышался нарастающий шум. Рожнов прислушался – работал мотор грузовика. Маруська заходила, притопнула копытом и заржала. Фары приближающегося грузовика осветили дорогу, кусочек поля, Маруську

и Рожнова. Грузовик подкатил ближе, и фары выхватили из темноты дуб, разбитый мотоцикл и валяющуюся невдалеке Лерку.

– Лера! – Наташа выпрыгнула из грузовика, оттуда же горохом посыпалась молодежь.

Рожнов и Наташа на ватных ногах приближались к дочери. Лерка открыла глаза и, увидев вокруг себя толпу, сначала не могла сообразить, что к чему.

– Жива… – простонал Рожнов и заплакал.

Он сидел на корточках, обхватив голову руками, и тихо качался из стороны в сторону. Наташа торопливо ощупывала дочь. Луна выплыла из-за облаков и осветила поляну. Молодежь бурно обсуждала случившееся. Со стороны деревни с ревом приближались несколько мопедов. Мопеды остановились, и Лерка сразу увидела Юру. Она узнала его по торчащим кверху вихрам. Он бежал в ее сторону, смешно взмахивая руками. Лерка приподнялась, и в голове сразу же зашумело. Но ей было все равно. Он бежал к ней, подпрыгивая на кочках, спотыкаясь, один, без Алены…

– Юра, – прошептала она.

Но он, все так же спотыкаясь и подпрыгивая, промчался мимо нее. Все повернули головы туда, где остановился Юра. Он стоял над своим разбитым вдребезги мотоциклом и трясся так, словно его било током.

– Идиотка! – наконец прорвало его. – Дура. Сумасшедшая! Не твое – не трогай! Его теперь не собрать! Новый те-

перь покупай! Дура!

Лерка, все еще не веря ушам, смотрела на него. Как в кино, она наблюдала за его перекошенным от гнева лицом, видела, как к Юре подошла ее мать, и слух поймал хлопок – Наташа смачно, со звоном влепила Юре пощечину. Лерка поднялась на ноги и, ковыляя, приблизилась к Маруське. Она обняла лошадь и ткнулась в ее теплую, остро пахнущую потом морду.

Глава 5

Все говорило о том, что дом обитаем. Огарок свечи на заляпанном воском столе, обгорелые спички, ссыпанные в банку из-под консервов, полбуханки серого хлеба, зачерствевшего, но не успевшего превратиться в сухарь.

– Бомж какой-то обустроился, – сделала заключение Лариса, хозяйским взглядом окидывая запущенное помещение. – Ничего страшного. Заведете собаку, обживетесь тут, он больше не сунется. У нас здесь без присмотра жилье оставлять нельзя. Или наркоманы присмотрят, или бомжи.

– А если он вернется? – предположила Юля, боязливо оглядываясь.

Она плохо представляла, как они с Олей станут тут жить. В душе закипало тихое возмущение. Чего хотел Никита, покупая эту хибару? Вероятно ли, что он планировал устроить здесь дачу? Скорее всего он собирался снести это строение, а на его месте возвести что-то принципиально новое. Как плохо, что он никогда не посвящал ее в свои планы! Насколько легче ей было бы сейчас, будь она хоть наполовину в курсе его дел и замыслов! Если души после смерти действительно попадают на небеса, или куда там они еще попадают, то хорошо было бы, чтобы Никита полюбовался, что сделал со своей семьей. Юля искренне этого желала. Стоя посреди чужого заброшенного жилища, она вдруг некстати почув-

ствовала, что сейчас зарыдает. А ведь она почти не плакала последний месяц. В душе ее все это время что-то каменело, готовясь либо принимать новые удары, либо созерцательно и безучастно плыть по течению. Теперь, когда ей, до смерти перепуганной, пришлось проситься на ночлег к едва знакомым людям (слава Богу – угораздило познакомиться в электричке) и впервые что-то решать самой, она почувствовала злость – на покойного мужа, на собственную беспомощность, на бомжа, облюбовавшего именно их жилище, на город, растянувшийся длинной бессмысленной кишкой вдоль Волги. Но то, что рядом были Оля, да еще и Лариса со своей воспитанницей Маринкой и четырехлетним сыном Вовчиком, заставило Юлю собрать волю в кулак и приступить к действиям. Вдвоем с Ларисой они натаскали из колонки воды. Пока она грелась – вытащили мусор и подмели углы. Оля с Вовчиком следили за костром, устроенным посреди огорода. Маленькая Маринка работала наравне со взрослыми. Она мыла окна так, будто все свои восемь лет только и занималась этим делом.

– Ларис, можно у тебя спросить? – начала Юля, наблюдая за ловкими действиями юркой Маринки. – Что заставило тебя взять из приюта ребенка? У тебя ведь свой есть, родной?

Ларисин Вовка, шустрый кудрявый мальчик, производил впечатление вечного двигателя. Он был похож на девочку лицом, но манерами напоминал обезьянку. Лариса на Юлин вопрос усмехнулась:

– А что? Замуж выйти мне, я думаю, уже не грозит. У нас тут девчонкам не за кого выйти, а уж женщине с ребенком… Так хоть что-то полезное в жизни сделаю. Да и потом, это для меня пусть небольшой, но все-таки дополнительный заработок. Мне как воспитателю пусть немного, но платят.

– Но ведь с ней наверняка столько проблем… – вспомнила Юля вчерашнюю сцену в электричке. – Я бы никогда не смогла с чужими детьми. Это такая ответственность!

– Ничего, справимся.

К вечеру дом обрел хоть какое-то подобие человеческого жилья. Отмытые окна открыли глазу умытое дождем лицо осеннего сада – красные листья вишен, оранжевые вкрапления рябин и темную зелень листьев сирени и груши. А из кухни и веранды открывался вид на Волгу. Длинная полоса воды глянцево поблескивала со спокойным достоинством главной в России реки.

Уходя на электричку, Юля чувствовала в своей душе странные перемены. Нет, ей не стало спокойней. Но страха и тупой покорности она уже не ощущала. Юля подозревала, что новый период жизни не станет для нее легким, но он уже начинался, он неизбежен, и у нее найдутся силы его пережить. В электричке Олю быстро сморило – она уснула, а Юля пыталась распланировать свои дальнейшие действия. Сначала нужно найти грузовую машину и грузчиков. Перевезти вещи, расплатиться с хозяйкой. Для мамы даже лучше, что они с Олей станут жить в Вишневом. Она сможет гостить

у них летом, спасаясь от городской жары.

Юля заехала к брату и оставила Оленьку с мамой. Возвращаясь домой, она уже по-новому смотрела на привычный глазу пейзаж.

«Это уже не мое, – отстраненно думала она, шагая мимо разрытого котлована с водой, мимо автостоянки и киосков. Она не обратила внимания на серую «Волгу», припаркованную у песочницы, не отреагировала и на гудок. И только когда ее окликнули по имени – остановилась, удивленно оглядываясь. У «Волги» стоял Евгений Петрович, главный врач санатория «Лесная поляна», и переминался с ноги на ногу.

«Что-то с Наташей!» – молнией мелькнуло в мозгу у Юли, и она стремительно направилась в сторону «Волги».

Евгений Петрович выглядел не то чтобы взволнованным, скорее – озабоченным. От Юли не укрылась складка на лбу, и глаза, обычно искрящиеся природным юмором, сегодня были подернуты пеленой невеселой заботы.

– Какими судьбами? – поздоровавшись, поинтересовалась Юля.

Евгений Петрович молча взял ее за руку и увел от «Волги» к лавочке.

«Не хочет, чтобы слышал шофер», – поняла Юля, теряясь в догадках по поводу визита Бородина.

– Юля, мне нужна ваша помощь, – без подготовки заявил Евгений Петрович, доставая сигареты. – У Наташи что-то стряслось. К телефону никто не подходит, домой прийти я

не могу. На работе никто не знает, где она. Только вы можете что-то сделать.

И он несколько раз нервно щелкнул зажигалкой.

Женя отпустил шофера и подцепил обе увесистые сумки.

– Ты наконец скажешь, куда мы идем?

– Место встречи изменить нельзя, – хитро поблескивая глазами, ответил он.

– Ну, наши-то как раз постоянно меняются, – заметила Наташа, оглядывая незнакомый двор в районе новостроек, одинаковые блочные дома.

– Декорации меняются, действующие лица те же, – весело заметил Женя, ускоряя шаг. У подъезда он, не опуская сумок, потянулся к ней лицом и, зажмурившись, потерся щекой о Наташино ухо. – Как я соскучился! – прошептал он, и его слова горячим потоком хлынули в голову. Наташа сглотнула. В груди что-то мелко задрожало.

– Соловья баснями не кормят, – нарочито ворчливо заметила она, подталкивая его в подъезд. – Неизвестно еще – куда приведешь. Может, там хозяин дома.

– Хозяин – мировой мужик, – шагая через две ступеньки, сообщил Женя. – Крутой, правда, до чертиков, но добрый. Лечился у меня. Я, говорит, Петрович, теперь твой должник по гроб жизни. Понадобится что – только намекни.

– Вот ты и намекнул.

На третьем этаже Наташа остановилась. Надо же – дыха-

ния не хватает! Не прошли даром эти переживания с Леркой, сердце откликается по-своему. Месяц сидела на лекарствах, думала, восстановится. Нет! Гляди-ка, одышка как у старухи.

– Ну да. Он мне тут же ключи и выложил. – Женя веселился как ребенок.

Наташу восхищали его непосредственность и умение искренне радоваться пустякам. Она легко поддавалась его настроению, возможно, поэтому им было так хорошо вдвоем. Он приносил в ее жизнь праздник.

– А если заявится кто-нибудь? – предположила Наташа.

– Не заявится, – с едва сдерживаемым предвкушением ковыряя ключом, успокоил Женя. – Его жена об этой квартире и не подозревает. Он ее для интимных встреч держит. Знают только несколько близких друзей. Но те по мобильнику с ним связываются.

Его волнение тут же передалось ей. Ключ не спешил открывать квартиру. Женя начинал нервничать, пробуя повернуть в ту и другую сторону. Наконец догадался попробовать другим ключом, квартира открылась. Едва оказавшись в тесной прихожей, они начали целоваться как дети. Наташа смеялась под градом торопливых поцелуев, а Женя тут же начал стягивать с нее плащ и косынку, обнюхивать ее кофту, как собаки обнюхивают одежду людей.

– Дай хоть осмотреться, – остановила его Наташа, чувствуя себя в этой ситуации не совсем комфортно. Чужой го-

род, чужое жилье.

– Пошли осмотримся, – согласился он и, прижавшись к ее спине, обхватив руками, повел по квартире.

Квартира была только после ремонта. Поблескивающие лаком полы, новые рамы. Кроме двуспальной кровати и тумбочки с телевизором, в квартире ничего не было. Правда, на кухне имелся стол с двумя табуретками, увидев которые Женя незамедлительно спохватился:

– Ты же хочешь есть! Где наши сумки?

Сам распаковал продукты, сам резал, сам расставлял посуду на столе. Наташа сидела сразу на двух табуретках, по привычке поджав под себя одну ногу, и как кошка, щурясь и мурлыча, следила за его движениями.

– Нет, ты уже села мне на шею, – ворчал Бородин. – Хоть бы сделала вид, что хочешь помочь. Чтобы у меня возникла иллюзия, что ты хорошая хозяйка.

– Пусть у тебя не будет иллюзий, Бородин. – Наташа взяла со стола бутерброд с копченым мясом. – Я дома только и делаю что стою у плиты. Меня тошнит от этого занятия.

– Да все я понимаю, – перебил Женя, протягивая ей фужер с красным сладким вином. – Вот все как ты любишь.

На тарелках громоздились бутерброды с мясом и рыбой, капельками воды поблескивали фрукты.

– За нас. – Наташа дотронулась своим фужером до Жениного.

– За нас, – эхом отозвался он.

Всякий раз, когда Наташа встречалась с Бородиным, она сама не верила в свое счастье. Неужели это с ней? И за все страдания Небо наконец послало ей встречу с добрым и понимающим человеком? С человеком тонкой душевной организации, ее поля ягодкой… Тогда, в санатории, он начал со стихов. Он стал читать ей стихи прямо в своем врачебном кабинете. А потом был его творческий вечер, и он со сцены искал ее глазами. Ее шевелюру было нетрудно отыскать среди однотипных химических завивок отдыхающих дам. Она выделялась. И он смотрел на нее, когда читал стихи. Стихи были о любви и звучали как признание. Хотя Наташа прекрасно понимала, что все это написано не для нее, до нее, задолго «до». И все-таки ей было приятно. После вечера он осмелел и пригласил ее на танец. Танцевать с ним было тоже приятно, хотя он светился самодовольством после творческого вечера и ждал комплиментов. Она не пожадничала и похвалила его стихи. Хотя умом Наташа понимала, что Бородин далеко не Пастернак и даже не Окуджава. Но – жалко, что ли? «Давайте говорить друг другу комплименты…» И они говорили друг другу комплименты. Читали стихи, говорили на разные темы, а в конце Наташиной смены Бородин решил, что момент настал, и пригласил ее поужинать в отдельный номер. Романтик по натуре, Женя злился на себя за банальность и даже пошлость ситуации, прятал глаза, бравировал. В общем, грозил напрочь испортить все впечатление о себе. Наташа наблюдала за ним и не могла придумать, как вы-

путаться из дурацкого положения, в котором они оказались. Торопливая дежурная близость не принесла ничего, кроме чувства неловкости и недоумения. Бородин быстро исчез по своим административным делам, оставив ее одну в этом номере с мятой постелью и остатками ужина. Наташа сначала переваривала произошедшее, а затем разозлилась и ушла к себе. Она уговорила Юлю отправиться на весь день в город. Вечером, когда Бородин разыскал ее, она взяла в разговоре с ним небрежно-равнодушный тон, который сразу привел его в чувство. Наташа говорила с Бородиным несколько свысока, в ее речи сквозили игривая насмешка, пренебрежительные нотки, и это странным образом подействовало на Бородина. Он не сводил с нее по-собачьи покорных глаз, а когда они наконец остались одни, набросился на нее опять же, как собака, которая век не видела своего хозяина. У них была, как говорится, потрясающая ночь. Теперь Наташа раскусила Бородина. Она догадалась, что вести себя с ним нужно именно свысока, сверху, и теперь частенько принималась ворчать или командовать. Это ему почему-то ужасно нравилось, такое поведение заводило его.

Сегодня, как и обычно во время их редких встреч, Женя наскоро закинул в себя несколько бутербродов и стал смотреть на нее ошалевшим взглядом. Она ждала этого. Его объятия – это единственное место на земле, где Наташа по-настоящему чувствовала себя женщиной. Женщина в двадцать пять, в тридцать, если у нее, конечно, нет отклонений или

извращений в воспитании, чувствует себя женщиной всегда и везде. Редкий раз особые, чрезвычайные обстоятельства заставляют ее забыть об этом. Женщина же к сорока, если жизнь ее то и дело нагружает и выматывает, чувствует себя попеременно то ломовой лошадью, то цербером, то нянькой, то сиделкой, то крепостной крестьянкой. Когда ты вдруг случайно вспоминаешь, что ты еще и женщина, внутри все холодеет и начинает возмущаться. Но у Наташи рядом был человек, который постоянно напоминал ей, что она – женщина. Желанная, привлекательная, немного капризная, которую нужно баловать. Она не показала, что ждала этого момента не меньше, чем он, позволила увлечь себя в комнату, но там, уже не сдерживая возбужденного волнения, со смехом набросилась на Бородина, торопливо бросая на пол детали его одежды рядом со своими.

Пронзительный звонок в дверь заставил их застыть и принять позу «скульптура». У каждого в голове пронесся рой мыслей.

«А вдруг это Женина жена? – подумала Наташа, не смея пошевелиться. – Вдруг она искала его и напала на этот адрес в записной книжке? Или что-то случилось на работе и его ищут, шофер вынужден был раскрыть его местопребывание…»

– Позвонят и уйдут, – стараясь придать своему голосу уверенность, попытался успокоить ее Бородин. – Может, кто-то хозяина квартиры разыскивает.

Звонок повторился с упрямой настойчивостью. На звонок жали со всей силой. Он визжал и захлебывался. Наташа дернулась за одеждой, но Женя поймал ее за руку.

– Мы не откроем, и они уйдут, – сказал он.

Она не разделяла его оптимизма. У нее возникло чувство, что ее поймали на месте преступления. Наташа собрала свою одежду и стала одеваться. Звонящий устал жать на звонок и начал колотить в дверь. Это обстоятельство заставило Бородина последовать Наташиному примеру. Теперь они молча торопливо одевались, не глядя друг на друга.

– Петрович! – донеслось из-за двери. – Открывай, мать твою! Знаю, что ты там!

Наташа с ужасом посмотрела на Женю. Он попытался изобразить улыбку.

– Это Сухой. Хозяин квартиры. Кажется, пьяный в доску.

– Он в курсе, что ты здесь? – спросила Наташа очевидное.

– Конечно, я же у него ключи брал.

– А зачем он пришел?

– Перепил, – коротко бросил Женя и пошел открывать. – А то дверь вышибет.

В квартиру ввалился мужик, по лоснящемуся лицу которого без труда можно было определить количество выпитого. Мужик был здоровый как медведь и квадратный как шкаф. Дорогая кожаная куртка на нем была расстегнута, из внутреннего кармана торчали бумажник и мобильник.

– Пардон. – Сухой попытался изобразить реверанс перед

Наташей, но неловко подвернул ногу и рухнул на пол, увлекая за собой радиотелефон, одиноко стоящий на полке. – Пардон, мадам. Женек, подними меня, мне нужно пос…ть, – доверительно сообщил он Бородину, словно Наташи здесь не было. А может быть, он принципиально не стеснялся дам.

Бородин кинулся поднимать гостя, а Наташа отступила в комнату и стала поправлять кровать, с которой они даже не успели снять покрывало. На душе было так, как бывает, когда в солнечный весенний день выйдешь на улицу в новом светлом плаще, торопясь и опаздывая на работу, и тут иномарка, с визгом пролетающая мимо, внезапно окатит тебя жирной жидкой грязью с головы до пят. И ты уже искренне ненавидишь зажравшегося водителя и желаешь ему по меньшей мере проколотого колеса. И день безнадежно испорчен.

Когда Сухой наконец справил нужду, на него напал приступ доброты и охота к общению.

– Красивая у тебя баба, Петрович, – донеслось до Наташи. – Дородная. Одобряю. За это надо выпить.

Она не уловила, что именно ответил Бородин, но догадалась, что хозяин квартиры мог слышать только себя и был уверен в том, что осчастливил их своим приходом.

– Познакомь меня с дамой! – требовал Сухой, и Наташа услышала, как на кухне что-то грохнуло. Наверное, упала одна из табуреток. Бородин пришел за ней красный и взъерошенный. Выглядел он злым и растерянным. Наташе стало жаль его, и она пошла с ним на кухню.

– Он сейчас выпьет и уйдет, – зашептал Бородин, хотя мог и не опасаться, что Сухой услышит и обидится. Тот вовсю угощался на кухне и громко разговаривал сам с собой.

Наташа почувствовала сильное желание уйти из этой квартиры, оказаться как можно дальше отсюда, но куда идти? Город незнакомый, ночь. Хоть автобус, хоть электричка в сторону дома будут только утром. Придется до дна выпить то, что жизнь подбросила.

– Наташа, – представилась она.

Сухой схватил протянутую ладонь, принялся мусолить ее мокрыми губами, вымазанными майонезом, потом спохватился, что не встал, приветствуя даму, попробовал подняться и вновь упал вместе с табуреткой. Наташу разбирал нервный смех. Бородин злился и психовал от собственного бессилия. Один Сухой чувствовал себя абсолютно комфортно и, когда его подняли, схватился за ближайшую рюмку и царским жестом пригласил гостей к столу. Поскольку табуреток в квартире имелось только две, Бородину пришлось стоять. Сидели Наташа и Сухой.

– Я вам не помешал? – пьяно подмигивал гость, заглядывая в глаза то Жене, то Наташе.

– Нет, что вы, – усмехнулась она, глядя прямо в глаза Сухому.

Он принял ее фразу за выражение радушия и скромности. Хитро прищурившись, он погрозил Наташе пальцем, похожим на сардельку, и захохотал:

– Вы еще не это… не успели? – И он весело подмигнул Бородину.

Тот закурил, уже не пытаясь изображать улыбку.

– Я чисто на минуточку. Дай, думаю, выражу почтение доктору. Типа – поклон до земли.

Лицо его приняло подобие серьезного выражения, а затем расплылось в умильной улыбке. Он перегнулся через стол к Наташе:

– Он меня спас. На ноги поставил.

Наташа рассмеялась, вспомнив, как Бородин поднимал Сухого вместе с табуреткой. Глядя, как Наташа хохочет, Сухой расцвел в улыбке.

– Ну и баба у тебя, Петрович! Ну типа сам бы…

– Ты это… Михалыч, – пряча злость за вымученной улыбкой, бормотал Евгений Петрович. – Ты бы шел, поздно уже… Нам рано утром ехать…

– Понял! – перебил Сухой, сложив руки на груди. – Понял! Мешать не буду! Я для тебя все, что прикажешь. Деньги нужны будут – проси. Хата – баб водить – в любое время. Я их сам тут… знаешь сколько?

И Сухой зашелся пьяным смехом. Наташа вышла в ванную. Сквозь шум воды она слышала, как Бородин что-то втолковывает Сухому. Ему даже удалось привести своего приятеля в прихожую. Наташа слышала их голоса совсем рядом, через дверь. Сухой изъяснялся голым матом, не утруждая себя припоминанием обычных слов. Бородин поддаки-

вал ему, вероятно, помогая одеться.

– Погоди, я сам, – сопротивлялся Сухой.

Наташа слышала возню, чертыхания Жени и пьяные восклицания гостя. Неожиданно голоса удалились, но по звуку Наташа догадалась, что они ушли не на лестничную площадку, а в комнату.

– О Боже… – Она опустилась на край ванны. Ей казалось, что этот кошмар никогда не кончится. Еще несколько минут, и она вылетит в прихожую, схватит свою сумку и побежит куда глаза глядят. Зная ее характер и предполагая, что она может чувствовать, Бородин постучал в дверь ванной.

– Я его уже почти одел, – шепотом сообщил он.

– Я просто счастлива, – буркнула Наташа. – А зачем он потащился в комнату?

– Ботинки надевает. – Женя попытался усмехнуться. – Трудовая мозоль наклониться мешает.

Бородин обнял Наташу и заглянул в глаза.

– Ты расстроилась? Обиделась?

– Понимаешь, я так жду наших встреч! Я бросаю дочь, вру мужу, нервничаю, отпрашиваясь с работы. Я трясусь в вонючем автобусе для того, чтобы несколько часов побыть наедине с тобой, Бородин! Я не могу передать тебе, что я сейчас чувствую!

– А я? Думаешь, мне легко? В этом городе у меня куча знакомых, мать жены, моя мать, оба сына. Любой из них может увидеть нас, доложить жене. И она меня пасет, ни на

шаг не отпускает от себя. Я как шпион! Думаешь, легко было найти эту квартиру? И вот – здрасьте вам! Ну Ташка, ну не дуйся. Сейчас он уйдет.

Они постояли обнявшись. Прислушались. В квартире было подозрительно тихо. От недоброго предчувствия у Наташи заныло в животе. Они вышли в коридор и остановились на пороге комнаты. Их ночной гость мирно спал, раскинувшись на единственной в квартире кровати, прямо в ботинках. Из его мясистого носа раздавался свист. Наташа молча вздохнула и перевела взгляд на Бородина. Тот посерел лицом. Свидание было окончательно испорчено.

Глава 6

Весь день Юля с дочкой перетаскивали дрова с улицы и складывали в поленницу. Поленница получалась высокая, почти вровень с сараем. Аккуратные ровные чурбачки отсвечивали белой берестой. Юля с интересом наблюдала за дочерью. Оля быстро освоилась на новом месте, кажется, ее восхищало любое новое открытие, сделанное в Вишневом. Как сказку девочка воспринимала осенний сад, весь желто-красный, как подарок – кучу березовых дров с сочной, песочного цвета, сердцевиной, как что-то манящее и недоступное – пронзительно-синюю полосу реки за забором.

– Понюхай, мам! – Оля протягивала матери чурбак, и Юля послушно нюхала, чем пахнет береза.

Дочь учила Юлю радоваться простым вещам. Очень похожие, с одинаково зелеными, в коричневую крапинку глазами, мать и дочь, обнявшись, смотрели на Волгу, закрытую у горизонта покрывалом неба. А мысли у них в это время бывали разные. Оля думала о том, как здорово, что они оказались в этом красивом месте, и что хорошо бы научиться плавать и еще – завести лодку, кошку и собаку. А Юле думалось, что вот так же мимо нее течет жизнь. Как эта река. Настоящая жизнь, достойная молодой красивой женщины. А она, Юля Скачкова, оказалась безжалостно выброшенной на обочину. Безжалостно и, пожалуй, безвозвратно.

Когда Юля попыталась представить себе, как она станет жить здесь, растить дочь, стариться, глядя на эту же реку, все ее существо противилось. Ей становилось страшно.

– Оля, мой руки, и пойдем ужинать.

Дочка вприпрыжку побежала к рукомойнику, который стоял рядом с темной бревенчатой баней.

– Мама, мама, иди скорей сюда!

Олины косички мелькнули в грязно-желтой листве яблони. Присев на корточки, девочка рассматривала что-то в траве с интересом исследователя.

– Ну что там? – недовольно отозвалась Юля. Ее иногда раздражали эти садово-огородные восторги дочери. – Если навозный жук, то я его уже видела.

– Нет, не жук! Ну мам, ну подойди же!

Ничего не поделаешь, нужно идти разбираться.

Юля стянула с рук матерчатые рабочие перчатки, подошла к дочери и склонилась рядом с ней. В траве валялся окурок. Окурок был свежий, это Юля сразу поняла: и вчера, и позавчера шли дожди. Дождь прекратился только вчера к вечеру. Ночью и сегодня днем было сухо, трава вокруг едва успела высохнуть, окурок не выглядел размокшим. Желтый фильтр не потерял свой цвет, обожженный край хранил остатки пепла по кромке.

У Юли громко стукнуло сердце.

– Ты курила? – Оля строго взглянула на мать.

– Конечно, нет. Раз я пообещала тебе, что курить больше

не стану, значит – держу слово. Ты меня знаешь.

Сердце стукнуло еще раз.

– Тогда – кто? – резонно заметила Оля.

«Кто?» – отозвалось у Юли в мозгу. Действительно, кто? Она, как переехали в Вишневый, сигарет в рот не брала. Дел было столько, что бросить курить оказалось для нее не так уж трудно. Да и не курила она такие дешевые никогда. Она курила с ментолом – тонкие и длинные, которые приятно в пальцах держать. А это – «Прима», которая раньше вообще без фильтра выпускалась, а последние пять лет стала выпускаться и с фильтром. Такие курили у их подъезда безработные мужики. Кто-то чужой отирался у них в саду в последние сутки. Но кто? Шофер, что привез дрова, не заходил. Выгрузил дрова кучей у дороги и сразу уехал. Если бы курильщик приходил по делу и не застал их дома, то окурок валялся бы у калитки, у входа в дом, в крайнем случае – у забора. А то – в конце сада, у бани, в заросшей травой части участка. Словно куривший прятался, стараясь остаться незамеченным из окон дома. Внутри у Юли все похолодело.

– Оленька, ты иди, дочка, доставай молоко из холодильника, я сейчас.

Едва дочка скрылась за кустами смородины, Юля осторожно подошла к бане. Темное строение в первых прозрачных сумерках казалось ей зловещим, полным страшных тайн. Но словно кто-то незримый стоял за спиной и толкал ее туда. Она, леденея от предчувствий, подошла к бане. На гла-

за ей попалась кочерга. Юля прихватила ее для храбрости и потянула на себя дверь. Та со скрипом открылась. Из глубин помещения пахнуло дымом, смесью хвойного мыла и пеньки. Она заглянула внутрь и, не увидев никого, осторожно вошла. Окно в бане было занавешено и плюс ко всему прикрыто плотной грязной тряпкой. Юля нашарила на стене выключатель. Свет вспыхнул. Она огляделась в поисках следов чужой жизни, попыталась обнаружить присутствие чужака. И – о ужас – нашла! В середине, на промятых пружинах, лежала подстилка из ватной фуфайки. За занавеской, на узкой раме окна лежали целая сигаретина «Прима» и неполный коробок спичек. В углу за диваном валялась куча тряпья. Она, конечно, могла остаться от прежних обитателей: какая-то бесформенная тряпка из байки, ватное одеяло, сшитое в позапрошлом веке из цветных лоскутков, мужская рубашка с обрезанными рукавами, застиранные детские ползунки, которыми, похоже, уже давно мыли полы или окна.

Обследовав угол, Юля двинулась из предбанника в баню. В самой бане весь закопченный потолок был увешан пучками трав, валялось несколько старых березовых веников. Юля повертела в руках кусок потрескавшегося хозяйственного мыла и потрогала пеньковую мочалку с одной лямкой. Мочалка оказалась влажной! Юля отбросила ее, словно дохлую мышь. Она вылетела в предбанник и остановилась, с трудом переводя дух. Но уйти не смогла. Словно находок, обнаруженных в бане, ей показалось мало, как сыщику – улик, она

подошла к дивану и попыталась приподнять его. С трудом ей это удалось. Она заглянула в ящик под диваном, где обычно хранят одеяла и подушки, и увидела там небольшую стопку газет. Придерживая диван одной рукой и бедром, Юля свободной рукой достала газеты. Уселась на диване и стала листать. Издания были разные. Здесь имелись страницы «Аргументов», несколько фрагментов «Пульса Поволжья», аккуратно оторванные странички «Комсомолки». Номера были относительно свежие, в основном за последний год. Учитывая тот факт, что последние полтора года в доме официально никто не проживал, Юля пришла к выводу, что газеты собирал ее невидимый квартирант. Собирал просто так? На растопку? Почитывал? Почему не полностью газеты, а только отдельные страницы? Юля еще полистала, ничего особенного в них не нашла. Загадки, цепляясь одна за другую, громоздились в голове. Сердце торопливо прыгало в груди.

– Мама!

Голос дочери вернул Юлю к действительности. Она распахнула дверь бани.

– Иду, Оля! Уже иду!

Дочка подбежала и заглянула внутрь.

– Ну вот, я так и знала. Читаешь. А у нас гости. Котенка принесли.

Лариса пришла вместе с детьми. Непоседа Вовчик держал в руках палевого, с черными ободками вокруг глаз, котенка. Окрас напоминал сиамский, но шерсть у котенка была пу-

шистая, мягкая.

– Осенью в своем доме нельзя без кота, – пояснила Лариса. А вглядевшись в бледное Юлино лицо, сообразила: – Снова гости к вам наведывались, что ли?

Юля кивнула. Усадив детей ужинать, она повела Ларису в баню.

– Он всего лишь перебрался из дома в баню, представляешь? Видимо, дождется, когда мы спать ляжем, и потихоньку через нижнюю калитку – сюда.

Юля выглядела совершенно потерянной. Лариса деловито осмотрела баню, изучила все представленные Юлей улики и уселась исследовать газеты.

– Да газеты-то так… Вероятно, заворачивал что-нибудь. Я в них ничего интересного не обнаружила.

– Не скажи… – неторопливо возразила Лариса, изучая какую-то статью.

– Главное, если обычный бомж, то где бутылки? И перегаром в бане не пахнет, и шприцев нигде не валяется.

– А ты в печке смотрела? – не отрываясь от статьи, поинтересовалась Лариса. – Наркотики – это не только шприцы. Там могут быть упаковки от таблеток.

Юля взяла кочергу и пошарила в поддувале. В мягкой древесной золе не обнаружилось никаких предметов. Она открыла дверь топки и заглянула внутрь. Среди пепла и черных угольков валялась сиреневая бумажка. Юля присела на корточки и осторожно, двумя пальцами, достала бумажку. Это

была обертка от шоколадки. Еще не развернув, Юля определила марку. «Сударушка». С орехами и изюмом. Она осторожно развернула обертку, предполагая, что бумажка могла послужить лишь оберткой для чего-то постороннего. Фольга зашуршала, Лариса оторвалась от газет. Глаза ее были наполнены страхом. Юле мгновенно передалось состояние приятельницы.

– Сомнений не остается, – заключила Лариса, протягивая Юле прессу. – Он террорист!

– Что?! – Юля выронила бумажку, схватила газеты, но буквы перед глазами запрыгали, она села на пол. – Почему ты так решила?

– Почему, почему. Статьи все о боевых действиях в Чечне! Вот почему.

Юля теперь уже и сама видела, чем связаны статьи из «Комсомолки», «Аргументов» и местного «Пульса»: на вырванных страницах имелись фотографии с мест боевых действий и статьи о буднях бойцов. Попадались и статьи о заложниках и натуралистические описания их мучений. Юлю передернуло.

– Меня тошнит! – сообщила она.

Лариса открыла дверь настежь. Свет из бани квадратом лег на темную траву.

– Видишь, собирает статейки. Чтобы быть в курсе, как там у них все движется. Нашел заброшенный дом и готовит потихоньку свой теракт. Ты в сарае не смотрела? Может, он у

вас тротилом забит?

Юля чумными глазами посмотрела на соседку.

– Что у вас тут, в Вишневом, взрывать? – со слезами в голосе взмолилась она, внутренне уже обессилев от страха. – Домов-то больших полтора строения.

– Посмотри на Волгу-то! Разуй глаза!

Юля послушно переместила свой взгляд на черную гладь реки. Ее поразила красота увиденного. Железнодорожный мост в четырнадцать пролетов, который днем казался совершенно обыденным, привычным взгляду и потому – незаметным, теперь весь играл огнями, освещаемый мощными прожекторами с правого берега и отражая всю иллюминацию в зеркале реки. По мосту бежала светящаяся электричка, и стук ее казался веселым и даже легкомысленным. Вся эта красота не помышляла, что на нее уже готовится покушение! И где готовится? В старой бане у нее, Юли Скачковой, молодой вдовы…

Она покрылась мурашками.

– Это стратегический объект! Его по приказу какого-то царя строили, кажется, Александра, – вдохновенно продолжала Лариса. – Немцы его в войну бомбили. Он Азию с Европой соединяет. Поняла?

И тут Юле на глаза попалась сиреневая бумажка от шоколадки. Она торопливо развернула ее. Там среди смятой фольги еще остались крошки молочного шоколада.

– Если он террорист, то почему шоколад? – выставила она

против Ларисиных предположений этот зыбкий факт.

Лариса повертела в руках бумажку, проверила дату изготовления.

– Свежий. А может, это Оленька забежала и кинула?

– Оля не ест шоколад. Совсем, – отрезала Юля.

Лариса пожала плечами. Еще раз осмотрела бумажку и даже понюхала ее.

– Ну и что. Летчики тоже едят шоколад, он очень питательный, это всем известно. А чем, по-твоему, должен питаться скрывающийся в подполье террорист? В бане суп варить?

Юля не мигая смотрела на Ларису. Возразить было нечего. Хотя версия о бомже ее привлекала больше.

– Что же теперь делать? – забрасывая фантик от шоколадки обратно, спросила она.

– Сообщить надо, – со вздохом посоветовала Лариса. – В милицию.

– Я и ночевать теперь не смогу здесь! Ни за что не усну! – громко зашептала Юля, отодвигаясь от газет. – И в милицию не хочу, я устала от милиции! Когда Никита погиб, они замучили нас своими вопросами. Все искали виновного. А теперь? Только Оленька успокоилась, забывать стала, и опять?

Юля была почти на грани истерики. Лариса торопливо разложила все по местам. Газеты – в диван, спички – на окно. И вывела подругу на воздух.

– Успокойся. Пойдем к детям. Хочешь, мы у вас сегодня

заночуем? Ну? А завтра утром все решим.

Кое-как успокоив, Лариса повела подругу к дому. Они уже дошли до крыльца, когда громкий, показавшийся пронзительным скрип задней калитки заставил обеих вздрогнуть.

Денег на большое застолье, как обычно, не было.

– Ничего, устроим шведский стол, – бодро объявила Наташа, лихорадочно соображая, во сколько ей может вылиться Леркина вечеринка. Лерка в наушниках и с плеером на шее вытирала пыль.

– Испечем корзиночки, сделаем фруктовый салат, – подсчитывала Наташа.

Лерка методично кивала в такт музыке. Наташе было не до гостей и не до застолий. Деньги, которые Рожнов накалымил к дню рождения дочери, он до дома не донес. Она ждала его вчера вечером, но к девяти часам поняла, что ночевать он не явится, пропивает с друзьями заработанное. А шестнадцатилетие дочери ложится полностью на ее плечи. На которых, собственно, давно лежит все остальное. Деньги были только те, что дала свекровь и прислал на подарок Лерке Бородин.

Наташа сходила в магазин и купила самое необходимое. Будущий именинный стол без труда уместился в одном большом пакете.

Когда она вернулась, Лера домывала полы в тех же наушниках. Судя по всему, у нее было отличное настроение.

Его подогревало предвкушение вечеринки. Наташа хорошо помнила себя в шестнадцать. У них тоже не хватало денег, отчим пил, мама выбивалась из сил. Но она каким-то образом всегда умудрялась справлять Наташины дни рождения. Приглашались подружки, одноклассники, пир бывал до небес. Только теперь Наташа поняла, как это все давалось матери. Как ни измудрялась Наташа по поводу чисто символического угощения, в задуманную сумму она не укладывалась. Внутри у нее что-то вздрагивало пугливо и мелочно, когда она пыталась свести в уме приход с расходом. Правда, потом сам процесс готовки захватил ее, и она перестала думать о деньгах, хлестнув себя хорошенько фразой, которая ей обычно помогала: «В конце концов, Михална, у тебя всего одна дочь!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.